

Илья Немцов

ГОНЧАР ИЗ МОДИИНА

историческая трилогия

роман третий

БАГРОВЫЙ ЗАКАТ

Гончар из Модина

Илья Немцов

Багровый закат

«Книга-Сэфер»

2010

Немцов И.

Багровый закат / И. Немцов — «Книга-Сэфер», 2010 — (Гончар из Модиина)

Период излагаемых событий охватывает эпоху Эллинского и сменившего её Римского господства в Иудее, наполненную острыми конфликтами, сложным сплетением событий и человеческих судеб. Многочисленные предания, литературные, археологические и исторические источники позволяют воссоздать зримую картину далекого и одновременно близкого нам времени. Роман «Багровый закат» завершает трилогию «Гончар из Модиина».

Содержание

1. Луна над Аялонской долиной	6
Введение	8
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	33
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Илья Немцов

Багровый закат

*Книга посвящается
моему многострадальному
народу, возвратившемуся на
родную землю после много-
векового изгнания.*

Автор.

© 2010. Илья Немцов. Все права сохраняются за автором.

Iliya NEMTSOV — „CRIMSON SUNSET“
MOD'IN, 2010

© Copyright © Iliya Nemtsov.
All Rights reserved by the Author

Роман „БАГРОВЫЙ ЗАКАТ“ завершает трилогию „ГОНЧАР ИЗ МОДИИНА“.

Период излагаемых событий охватывает эпоху эллинского и сменившего её римского господства в Иудее.

Этот период характеризовался острыми конфликтами, сложным сплетением событий и человеческих судеб.

Многочисленные предания, литературные, археологические и исторические источники позволяют воссоздать зримую картину далекого и одновременно близкого нам времени.

Наше прошлое не кануло в *Лету*. Независимо от нас, оно властно врывается в нашу сегодняшнюю действительность.

Без знания и понимания прошлого — будущее представляется мне туманной и тревожной неопределенностью.

Книга посвящена жизни нескольких поколений семьи горшечника из Модиина Эльзара бен Рехавама

Встречающиеся в трилогии имена и излагаемые события вымышлены, совпадения случайны. Вместе с тем автор стремился с возможной полнотой воссоздать действительность тех далеких лет.

Илья Немцов

1. Луна над Аялонской долиной (Предисловие)

*"День короток, а работы много.
Не тебе эту работу завершить,
но ты не волен отказаться от неё".*

Мишне Авот (3979 / 219)

Глядя из Модиина на замершую в ночном небе лампу луны, мгновенно вспоминаешь восклицание Йошуа Бин— Нуна: "Солнце, стой над Гаваоном, луна над Аялонской долиной!", и без всякого ориентирования по компасу узнаешь, что ты находишься в самой пуповине исторических событий тысячелетней давности, вышедших на всемирный уровень, ставших еще одним, после Исхода из Египта, пьедесталом выхода человечества из рабства на свободу.

В этот ночной час, еще до взгляда на луну, ощущаешь особый оливково-сосновый, я бы сказал, олеографический запах окружающих долин и всхолмий Модиина, с такой любовью принесенной и пронесенной Ильей Немцовым через трилогию своих романов — "Гончар из Модиина", "Возвращение" — ("На круги своя"), "Багровый закат".

Да, у этой самой земли, выбранной автором не только, как место жительства, но и как место в Истории народа Израиля, незабываемые имена: Земля Обетованная и Святая. Она бы пахла, как лубок, выписанный маслом, которое еще не просохло и стекает с кисти, как только вышедший из обжига керамический сосуд. И эти запахи пробудили бы в памяти особый цвет неба этой земли, особую свежесть мирта и речной вербы к празднику Кущей, особый ликующий хор птичьих голосов на раннем рассвете по дороге на раскинувшийся недалеко, на холмах, Иерусалим. И в полном покое души и природы можно было бы листать страницы истории богоизбранного народа, так же, как истории других народов, если бы страницы эти не были сожжены, если бы сквозь тысячелетия, как сквозь эти долины и поверх этих всхолмий, до нас не докатывался ветер, пропахший гарью и смертью.

На этой сравнительно узкой полоске земли между Великим морем с запада и пустыней с востока, соединяющей Азию и Африку, без конца сталкивались державы древности. Памятью этих бесконечных столкновений и кровопролитий стоят развалины Мегидо, двадцать раз сожженного и восстанавливаемого, начиная с 4000 лет до новой эры, ставшего для всего мира символом окончательной борьбы между сынами света и сынами тьмы: Гора Мегиддо — Ар Мегиддо — Армагеддон.

Но ведь речь идет о двадцати срезах человеческой жизни, со сменой поколений, любовью и разочарованием, проблемой отцов и детей, и, главное, защитой от чужеземных полчищ, без конца идущих с юга на север и с севера на юг, которые жизнь твою в грош не ставят.

Таков и срез жизни в поколениях горшечника из Модиина Эльзара бен Рехавама, жизни, освещенной и освященной именами родившихся здесь, в Модиине великих Маккавеев — отца Матитьягу и его сыновей Иегуды, Шимона, Эльзара и Ионатана, в отличие от пророков, начиная с законоучителя Моисея, людей из народа, мужество которых, сумевших разгромить хорошо вооруженные и оснащенные войска Антиоха Четвертого Эпифана на крутом спуске с Верхнего Бет— Хорона к Нижнему, совсем рядом с Модиином, по сей день потрясает весь мир, и в свое время породило обширные Хроники — четыре Книги Маккавейские, объявленные католической церковью Богодухновенными и включенные ею в Катехизис.

Но в этих эпохальных всемирных завихрениях событий, хроника жизни отдельной семьи горшечника из Модиина вовсе не выглядит чем-то мелким, незначительным, лежащим в стороне от столбовой дороги Истории, залитой кровью. Именно из корней такой семьи выросла

та стойкость, которая позволила не покориться рабству и добиться свободы и права жить по законам своих предков.

С первых строк трилогии, за всеми перипетиями существования, забот жителей Модина как черный, трагический, медленно надвигающийся в течение трех романов фон, стоит угроза быть уничтоженными, стертыми жерновами держав — наследниками империи Александра Македонского, безумными и жестокими императорами Рима, такими, как Нерон, Веспасиан, Тит. Этот грозно стоящий вдалеке вал позже или раньше должен разрядиться и подобно цунами, снести всё и всех на своем пути.

И начиная свою трилогию, Илья Немцов все время держал в уме эту угрозу и всеми силами души старался её сдержать. Это и создало внутреннее напряжение развивающегося текста и трагическую целостность трилогии, хотя надежда, теряя на глазах свои позиции, пыталась со всех сил сопротивляться.

И финал напоминает мне пустынный берег в Датском королевстве после того, как все герои трагедии „Гамлет“ стерты из жизни, и пустота празднует свой триумф.

И все же подспудно читатель держит в уме, что жизнь на этой сожженной земле возродилась, и после тысячелетий преследований и гибели еврейский народ вернулся на эту землю праотцев и сумел построить на ней свободное и цветущее государство — Израиль.

И вклад в это дело писателя Ильи Немцова несомненен.

Эфраим БАУХ.

Введение

Завоевание римлянами Иудеи положило конец существованию независимого государства Хасмонеев.

Иудея превратилась в одну из провинций Римской империи, управляемых наместниками. Однако, в соответствии с имперскими интересами, за Иудеей была сохранена автономия.

В описываемый период иудеи составляли не менее 10 % населения империи, свыше семи миллионов человек, и власти предпочитали иметь с ними дружеские отношения.

Они видели в иудейском населении противовес жителям греческих районов, не скрывавших в тот период своего недовольства римскими властями.

К тому же, иудеи были известны как превосходные воины и могли служить надежным оплотом на восточных границах, где не исчезала постоянная угроза парфянского нашествия.

Высшим органом власти в Иудее оставался *Синедрион*. Его предписания в вопросах духовного характера, судопроизводства, а также в административных делах были для иудеев решающими.

Некоторое время римляне не вмешивались в частную жизнь иудеев. Не запрещали веры в Единого Бога, не мешали изучению Торы, соблюдению веками установившихся традиций — святость субботы, венчание под хупой, брит-мила, бар-мицва, иудейские праздники.

Для римлян главным было — сбор налогов и обеспечение спокойствия в провинции.

Однако с годами пропасть между завоевателями и жителями Иудеи начала расширяться. Этому способствовали римские наместники, стремившиеся любыми путями к личному обогащению.

Положение осложнялось еще и тем, что наместник имел право назначать первосвященника Иерусалимского Храма и нередко назначал того, кто мог быть более полезен лично ему. Кроме того, наместник обладал еще одним, оскорбительным для иудеев правом — хранить у себя облачения первосвященника, что воспринималось как попытка вмешательства в управление Храмом.

Недовольство в Иудее непрерывно нарастало.

Менялись наместники. Чаще всего это были люди по происхождению — *всадники*, по профессии — солдаты. Они были убеждены, что нет такой проблемы в управлении провинцией, которую нельзя было бы решить силой. И доказывали это при каждом удобном случае.

Обстановка все более и более накалялась.

Для обеспечения личной безопасности наместники перенесли свою резиденцию из Иерусалима в *Кесарию*, где преобладало языческое население, там они чувствовали себя спокойнее.

И все же долгие годы между иудеями и римскими властями не было прямых конфликтов.

Положение стало невыносимым после возложения имперского венца на безумную голову Гая Калигулы.

Объявив себя богом, Калигула потребовал, чтобы все подвластные Риму народы воздавали ему божественные почести.

Первый конфликт на этой почве произошел в иудейском селении Явне. Зная отрицательное отношение иудеев к языческим символам и стремясь натравить римские власти на иудеев, язычники города воздвигли жертвенник в честь бога Калигулы.

Иудеи, естественно, увидели в этом осквернение Святой Земли и разрушили жертвенник. Узнав об этом, разъяренный император велел поставить свою позолоченную статую в Иерусалимском Храме.

Этот безумный приказ он поручил выполнить Сирийскому наместнику Петронию.

Вскоре Петроний с двумя легионами направился к границам Иудеи. Навстречу Петронии выехала делегация виднейших иудейских мудрецов. Они просили его обратиться к Императору, чтобы тот отменил свой страшный приказ.

Петроний, в свою очередь, спросил:

— Что вы будете делать, если император не отменит приказ?

— Будем сражаться.

— Вы же все погибнете!

— Даже, если все погибнем! — в один голос ответили мудрецы.

... Однако, задолго до направления Петрония в Иудею, был период, когда римские власти проводили в стране сравнительно мягкую политику, и жизнь в Модиине шла своим чередом.

Глава 1

Семена раздора

Шифра жила в новом, недавно построенном доме. Дом располагался на окраине Модина, рядом с гончарными мастерскими Эльки, на том же месте, где когда-то находилось их старое жилище.

В строительство дома Бен-Цур вложил весь свой опыт и знания, он стремился всячески облегчить жизнь Шифры, ставшей, по сути дела, матерью не только их детей Ицгара, Ривки, Оры и Эфронит, но и детей покойной Эсты — Эльки, Ноаха, Давида и малютки Юдит.

Прежде всего, Бен-Цур построил отдельное помещение для кухни, что было неслыханным в те далёкие времена. Кухня непосредственно примыкала к дому.

Планирование кухни вызвало у Шифры немало веселых замечаний в адрес Бен-Цура, замечаний, которых она обычно избегала. Так произошло, например, когда он из вырубленных квадратных камней воздвиг очаг.

Бен-Цур тщательно измерил рост Шифры, улыбаясь, отметил, что она не так уж и велика, на что она тут же ответила, что измерения надо было делать значительно раньше. Он промолчал и с улыбкой велел присесть, измерил длину рук. И лишь после этого приступил к сооружению плиты. Дымоход упрятал в стену, отчего кухонное помещение стало просторным и удобным.

Подобной кухни Шифра не могла себе представить даже в розовых снах.

Неподалеку от плиты Бен-Цур соорудил стол. Четыре прочных столба, соответствующих высоте сидящей Шифры, поддерживали квадратную раму. На раму строитель уложил ровный слой отесанных и тщательно подогнанных кедровых бревен.

Рядом со столом Бен-Цур установил несколько сидений — небольших пней, верхняя часть которых была прикрыта кожей, а под ней пружинил толстый слой овечьей шерсти.

То было бесспорное новшество. До этого, сколько себя помнила Шифра, она всегда стояла у сооруженного из камней стола. Рядом со столом никогда не было сидений. Лишь теперь она поняла, насколько неудобным был прежний каменный стол.

В стенах кухни были оставлены глубокие ниши, что позволяло складывать в эти углубления посуду, а также хранить заготовленные впрок сухие ягоды инжира, плоды рожкового дерева — харува, небольшие амфоры с финиковым мёдом. Здесь же размещалось и бесконечное количество сборов лечебных трав, специй и пищевых приправ.

Непривычной была и внутренняя планировка дома. Всё пространство, находившееся под единой крышей, Бен-Цур разделил на четыре неравных помещения.

Одно — для него и Шифры. Второе — для детей. Третье — для гостей. В этом помещении жили купец Нимрод и Ицгар, когда они возвращались после долгих торговых поездок.

И, наконец, была еще одна просторная комната, где собиралась к субботней трапезе семья и приглашенные гости. Нередко это были односельчане, для которых подобная трапеза была не по карману.

Крыша дома также была распланирована предельно рационально. Еще в далёкой юности Бен-Цур видел подобные крыши в домах зажиточных афинян. Эти крыши были удобны для отдыха и веселья, их, как правило, окружала ограда высотой в локоть.

Барельефы, симметрично расположенные по всему внутреннему периметру ограды, делали крышу нарядной. По углам дома возвышались мраморные статуи. Иногда эти статуи оплетала виноградная лоза, поднимавшаяся по стенам дома. Наконец, на крыше всегда было множество цветов.

"Конечно же, вспоминал Бен-Цур с улыбкой образованного человека, — то была языческая эстетика, и тут же, неожиданно для себя самого, продолжал, — но ведь есть и наша, иудейская.

Её красота выражается не в рельефах битв и сражений, или нескромных картинах веселящейся знати, даже не в скульптурах героев и очеловеченных идиолов, но в самой сути вещей.

Иудейской эстетике, — продолжал мысленно рассуждать Бен-Цур, — не чужда красота. Изящество окружающих вещей, их пропорциональность, их соразмерность должны соответствовать человеческому телу — великому творению Всевышнего.

Наша эстетика, — с глубокой убежденностью думал Бен-Цур, — должна способствовать удобству и дарить радость от сознания полноты жизни... "

Жаль, что его друг и наставник рав Нафтали находится далеко в Иерусалиме. Интересно было бы услышать, что бы он сказал об этих его размышлениях?

Конечно, лично он, Бен-Цур, против неоправданной роскоши, особенно, когда вокруг столько страдающих и голодных людей.

Тем не менее, привыкший к самостоятельному мышлению, он решил сделать крышу их дома, ничуть не хуже, чем у афинских вельмож, а, может быть, и намного лучше

Он долго обсуждал с Элькой, как обезопасить углы крыши, какой будет боковая ограда, высота перил, их форма.

В ходе этих обсуждений Элька решил изготовить четыре больших шаровидных сосуда, по форме напоминающих плод зрелого граната, подобно тому сосуду, что когда-то создал его отец Эльзар в мастерских набатейского царя Хартата.

Эти сосуды он воздвигнет по углам крыши, и они будут служить памятью об отце.

При изготовлении сосудов возникли проблемы. Долгое время Элька не мог найти глину нужной эластичности. И когда, наконец, нашел, в ней оказалось слишком много невидимого для глаза песка. Элька хорошо знал, что при обжиге, этот песок непременно разрушит тонкие стенки сосудов.

Он попытался отделить глину от песка. Истратил много времени, сил и драгоценной воды, но ничего не получилось. На дне промывочного бассейна оказались лишь крупные, чуть прозрачные желтые частицы, мелкие никак не хотели покидать вязкую глину. Тогда, отчаявшись, Элька сделал шар из плохо очищенного материала. Хорошо просушил, поставил на обжиг.

Через сутки, когда шар остыл и был отмыт от пыли и копоти. Элька не поверил своим глазам. Вместо гладкой, однотонной поверхности, некоторые части шара были полупрозрачны. Особенно там, где скопилось наибольшее количество песка.

"Не беда, — успокоил он себя, — замажу красно-глинной глазурью и после вторичного обжига, поверхность окажется однотонной."

Однако его профессиональное чутье подсказывало, что произошло нечто необычное. Ведь прозрачность шаров находилась лишь там, где было больше всего песка.

А что если самому направить этот песок не туда, куда он случайно попадает во время формовки шаров, но сконцентрировать с четырех сторон шара. В виде крупных полупрозрачных пятен.

Боясь что-либо упустить, он с лихорадочной быстротой занялся изготовлением соответствующего замеса глины.

Отдельно из песка приготовил эластичную массу, почти без глины. Эту массу он вмонтировал в вырезанные круглые окна сформованных и подсушенных шаров. В каждом шаре по четыре округлых отверстия.

Затем, просушенные шары, он бережно разместил в обжиговой печи.

Стремясь обеспечить полную чистоту обжигаемых шаров, Элька использовал почти бездымные белые горючие камни, накал которых был значительно сильнее, чем огонь горящего хвороста и древесных сучьев.

Полученный результат ошеломил его. Гигантские "гранатовые яблоки" просвечивали тусклыми кругами со всех четырех сторон.

Вокруг верхнего отверстия каждого из шаров Элька изваял шестиконечную звезду подобную той, что находится на спелых плодах граната, только что снятых с дерева.

Он трудился несколько суток подряд, пока не пришла озабоченная Шифра. Она не могла понять, что происходит.

Как может тяжело работающий человек столько времени быть без еды и отдыха?!

Она зашла в мастерскую. После яркого солнечного света, здесь было темно, но когда глаза немного привыкли, обнаружила крайне взволнованного Эльку.

Ничего не говоря, он схватил её за руку, но тут же отпустил, велел отвернуться. Затем бросился к шарам и зажег на дне каждого из них по масляному светильнику.

— Смотри, тетя Шифра! — замирая от восторга, сказал он.

Шифра повернулась и была поражена увиденной картиной.

Огромные шары, внешне похожие на спелые плоды граната, светились изнутри, как будто бы в них спрятали маленькие луны.

Глядя, с каким счастьем Элька смотрел на эти шары, Шифра с трудом сдерживала слезы.

Элька, как и его отец, был прирожденным гончаром.

Затем он, Бен-Цур и Шмуэль, возвели по периметру крыши ограду высотой в локоть, как того требовала Тора. Без подобной ограды традиции запрещали производить освящение нового дома.

С внутренней стороны ограда была облицована обожженной плиткой с изображением виноградной лозы, вьющейся вдоль крыши.

Между домом и пролегающей улицей Ора и Эфронит посадили кипарисы. Пока что каждый из саженцев не превышал рост девочек, но они были уверены, что стройные деревца вырастут и дадут много тени. К тому же Шифра говорила, что кипарисы помогают при укусе змеи и лечат многие болезни.

Вечером, когда семья собралась дома, Элька зажег светильники внутри шаров. То были первые огни на темных улочках Модиина.

Вместе с Шифрой и Бен-Цуром в её доме жили их дети — Ривка, Ора и Эфронит. Но не только они составляли население нового дома. Не проходило и дня, чтобы к ним не забегал Элька. Когда же после длительных торговых поездок возвращался Ицгар, Элька делил свое время между гончарными мастерскими и домом тети Шифры. Он знал, что она рада каждому его посещению. Ему было грустно видеть, как она по-старчески суежилась, старалась уделить ему внимание ничуть не меньшее, чем её собственным детям. Он не раз чувствовал на себе её молчаливый материнский взгляд.

" О чем она думала в такие минуты?" — спрашивал себя Элька, и не находил ответа. Она же, глядя на него, уже взрослого мужчину, с грустью сожалела, что слишком быстро уносится время. Слишком быстро летят годы...

После безвременной кончины Эсты, кузнец Шмуэль, так и не пришел в себя, был нелюдим, беспомощен. Всё, на что он был способен, так это с утра до поздней ночи грохотать молотом в своей кузне. И Шифра, приняла на себя все заботы, касавшиеся семьи подруги.

С робостью ребенка Шмуэль приносил Шифре заработанные деньги. С благодарностью смотрел, как она пеленала орущую Юдит, как усаживала рядом со своими детьми, его мальчиков Давида и Ноаха, умытых, причесанных, в чистых рубашках и кормила их досыта.

В особом положении оказался Элька. Ему едва минуло семнадцать, и он вел себя как взрослый мужчина.

Несмотря на все старания Шмуэля, ему так и не удалось заинтересовать Эльку тонкостями кузнечного мастерства. Наблюдавшая за этой схваткой Шифра, видела, что и здесь кузнец потерпел поражение.

Необъяснимая сила тянула Эльку к гончарным мастерским. Еще несколько лет тому назад Шифра обнаружила, что, подходя к погасшим печам, Элька внимательно осматривал давно остывшие камни. Он как бы обнюхивал их, что-то искал, Шифра видела, как изредка он вытаскивал из пепла осколки сосудов, не выдержавших огня, всматривался в эти осколки и Шифре казалось, что он ищет на этих осколках следы рук своего отца Эльзара, которого ему не суждено было увидеть.

В такие минуты Шифра не выдерживала и беззвучно плакала. Она оплакивала судьбу брата. Ей было бесконечно жаль Эльку и Шмуэля, но, заливаясь горькими слезами, она чувствовала, как в ней просыпается надежда, что Элька найдет свою дорогу. И это будет дорога его отца — гончара.

В то же время, ей было жаль кузнеца Шмуэля, мечтавшего еще при жизни Эсты, научить Эльку тонкостям своей профессии.

Новый дом Шифры не был похож на убогие жилища односельчан. Многие ютились в природных, либо выдолбленных в камне пещерах. О том, что в этих склепах жили односельчане, свидетельствовали невысокие каменные ограды вокруг зиявших в земле провалов.

Дом Шифры также был окружен невысокой каменной оградой, ничем не отличавшейся от оград большинства домов Модина.

Были, однако, и различия: ограда вокруг дома Шифры прерывалась двумя небольшими простенками — один, с юго-восточной стороны, другой — с северо-западной.

Простенки были тщательно оштукатурены и имели необычное назначение. Во время их возведения Элька вмонтировал в каждую из стен сквозные керамические трубки разных диаметров.

Когда задувал юго-восточный ветер, эти трубки издавали мелодичные звуки, похожие на игру флейт, перезвон кимвалов, приглушенное пение хоров. Если же порывы ветра усиливались, появлялось мощное звучание шофаров и грохот тимпанов.

Даже *мезузы*, прикрепленные к косякам дверных проемов, были иными, чем у всех остальных жителей селения.

Пенал каждой мезузы Элька изваял из светло-золотистой глины, привезенной из иерусалимских копей.

Каждый такой пенал был украшен деталями, понятными и близкими любому иудею: виноградная гроздь, ветка инжирного дерева, увесистый колосок ячменя, листья мандрагоры.

Новый дом находился недалеко от гончарной мастерской Эльки и был возведен с противоположной стороны примыкавшего холма, что спасало его обитателей от постоянно дымивших печей.

С крыши дома, если смотреть на северо-запад, в сторону Яффо, сквозь сизую дымку отсвечивала узкая полоска Великого моря.

Не менее чарующая картина открывалась и на северо-востоке. Всё пространство вдоль дороги на Иерусалим, которое способен был охватить человеческий взгляд, было покрыто оливковыми рощами.

При малейшем дуновении ветра эти рощи превращали холмы и низины в беспокойное море набегавших серебристых волн.

Пока вокруг дома Шифры не поднялись саженцы смоковницы, деревья белого миндаля и кипарисы дом невольно выделялся непривычными формами.

Крыша была плоская, как у всех других домов, но по углам крыши возвышались большие шары, и эти шары по ночам тускло светились.

Некоторым этот дом нравился, и в меру своих сил и возможностей, они пытались сделать свои жилища похожими на дом Шифры. Других раздражало, вызывало недобрые чувства к хозяевам дома, особенно к этому греку Бен-Цуру.

В Синедрион было направлено несколько жалоб, резко осуждающих хозяев дома, построивших оскорбительный языческий храм.

В ответ на эти жалобы в Модиин прибыл всеми уважаемый старейшина Синедриона Нафтали.

Он внимательно осмотрел дом Шифры. Велел собрать жителей селения.

Когда обширный двор заполнился людьми, и наступила тишина, Нафтали, ничуть не повысив голоса, спросил:

— Так что же плохого в этом доме? — и указал пальцем в сторону жилища Шифры. — Дом прочен, удобен для иудеев, живущих в нем, красив и к этому надо привыкнуть.

На косяках дверей имеются полноценные мезузы. Я лично проверил.

Такие же мезузы прикреплены и на косяках входа во внутренние помещения дома. На пенале каждой из мезуз хорошо видна буква "ШИН".

— Я не думаю, — обратился Нафтали к собравшимся, — что мне надо напоминать вам: буква "*шин*" возглавляет слово Шаддай — одно из имен Всевышнего, и раскрывается как "Охраняющий двери дома Израилева".

Иными словами, *мицва мезузы* соблюдена в соответствии со строгими требованиями Торы. И да благословит Адонай исцелит и защитит, живущих в этом доме!

— Амен! — откликнулось несколько голосов из толпы.

Однако тут же раздался резкий протестующий возглас:

— Так- то оно так, только не совсем так! Мезузы действительно имеются, но хозяин дома нарушил важнейшую заповедь Торы! А это непростительно! — с угрозой продолжал говоривший.

— Мезузы, прикрепленные на косяках дверей дома Бен-Цура, нарушают священную скромность иудейского жилища, к чему призывает нас Тора! У Бен-Цура они кричащие! — рубил слова голос из толпы. — Потеряли всякую скромность! Они подобны греческим и римским языческим идолам!

— Помимо этого, — с нарастающей злобой изрекал говоривший, — когда начинаются ветры, стены этого языческого дома воют как бешеные волки или ревут, подобно адским чудовищам! Грек опозорил святость Земли Израиля! Такой дом — наш общий позор! Он не достоин стоять на Священной Земле! Дом должен быть разрушен!!

Раздались одобрительные выкрики. И тогда Нафтали поднял руку.

Наступила напряженная тишина, какая бывает только перед бурей.

Прежде чем ответить, старейшина Синедриона выждал несколько мгновений, прищурил близорукие глаза, внимательно всмотрелся в гущу толпы.

Рядом со свирепым участником собрания он увидел несколько крепких молодых людей, среди которых узнал юношу Ноаха, сына кузнеца Шмуэля, и Ривку, старшую дочь Шифры. Это явно его огорчило, однако, скрыв свои чувства, неожиданно спокойным, но громким голосом он произнес:

— Тарфон! Принять твою аскетическую точку зрения не представляется возможным! Ты призываешь к братоубийственной войне! — и строго добавил: — *Сикарии* сеют семена раздора, хотя считают, что защищают народ от римского языческого влияния!

Свет Торы неугасим и в этом наша величайшая радость! Вы же пытаетесь лишить людей радости повседневной жизни, даруемой Всевышним. Но, что еще страшнее, — Нафтали сделал

многозначительную паузу, — ваши действия направлены на раскол нашего народа, раскол, особенно опасный сейчас, когда требуется единство всех наших сил.

— Повторяю, — строго сказал Нафтали, — я лично проверил каждую мезузу. И подтверждаю, что все они написаны на отрезках кожи кошерного козлёнка. И написаны рукой опытного писца-софера. Все требования Торы соблюдены!

— Более того, — продолжал Нафтали, — они написаны не пером из индейки, но пером, сделанным из **тростника**, — подчеркнул он, — и сделано это с единственной целью, — назидательно продолжал Нафтали, — чтобы еще раз напомнить, что Всевышний сохранил младенца Моше-рабейну в зарослях **тростника**.

— Эти отрезки кожи, господин Тарфон, с нанесенными на них словами молитвы и являются мезузами! А вовсе не **пеналы**, в которых они сохраняются и которые вызвали твой гнев.

К тому же, — добавил Нафтали, — красивые пеналы не чужды нашей вере и нашим традициям. Мы все живем и творим под сенью Всевышнего. Так творили Бецалель, Оголиав и другие искусные мастера, создавшие мишкан (Скинию Завета), менору и множество других угодных Адонаю священных предметов из драгоценного дерева, золота, серебра, меди и кожи.

И если на Эльку, сына прославленного гончара Эльзара бен Рехавама, снизошло вдохновение, и он изваял пеналы мезуз, украсившие дом Шифры и Бен-Цура, разве это преступление?

— Я был бы счастлив, — примирительно сказал Нафтали, — если бы и дома других жителей Модиина, — Нафтали сделал паузу и тут же добавил, — и во всей Иудее, служили бы не только укрытием от дождей, холода и ветров, но и несли бы в себе хоть крохотную искру вдохновляющей красоты Священного Храма.

Во дворе раздались голоса одобрения. Многие подходили к Бен-Цуру, пожимали руку, женщины с доброй улыбкой обнимали Шифру.

В эту минуту раздался крик Тарфона, пытавшегося заглушить голоса одобрения:

— Преступный чужестранец Бен-Цур! Кому ты служишь? — неистовствовал Тарфон, — ты сеешь семена раздора среди иудеев, отравляешь нас зловонным ядом языческого влияния! Приняв иудейство, в душе ты остался язычником и идолопоклонником. Ты ничем не отличаешься от римлян! Они поднимают руку на нашу веру, а значит и на нашу жизнь! И для нас такие, как ты, опаснее всех римлян вместе взятых. Мы найдем на каждого из вас ядовитую стрелу!...

Однако его уже не слушали, люди спешили по своим делам.

Распри не обеспечивали дневное пропитание, а у каждого было шесть — семь голодных ртов, у некоторых значительно больше.

Глава 2

Шифра и Юдит

Огромная туча медленно надвигалась со стороны Великого моря. За тучей тянулся плотный шлейф темных клубившихся облаков.

Где-то у самого горизонта шлейф озарялся молниями, прокатывались валы грома, отчего казалось, что именно этот огненный шлейф толкает вперед тучу и та, подобно неумолимому римскому тарану, раскалывает на части хрустальную голубизну неба.

Потянуло свежестью, запахло дождем. Третий год истощающей засухи завершился. Однако в сердце Шифры не было радости. — Даже если Адонай пошлет в этом году хороший урожай, — вздыхала она, — почти все придется отдать римлянам.

Нет, Шифра не в обиде на них. Новый римский император Тиберий, как и его предшественник, Август Октавиан, да святится имя его, были терпеливыми. Конечно, никто из них не прощал долгов, но и не отнимали последнее, что оставалось у людей.

Если будет урожайный год, прикидывала Шифра, то удастся рассчитаться с долгами и, может быть, что-то останется дома.

Не зря же она, Бен-Цур и дети делали все, чтобы земля их надела не истощалась. Бен-Цур уже дважды перекапывал сухую, каменистую почву. Давид и Ноах ежедневно привозили собранный на пастбище навоз и распределяли по полю.

Не оставался в стороне и Элька. Несмотря на постоянную занятость у гончарных печей, он привозил из низовьев русла Аялона, плодородный речной ил. Если бы не засуха!

"Нет, его Величество император Клавдий — не худший из язычников", — пыталась быть справедливой Шифра. И, вспомнив слова Нимрода, улыбнулась.

Купец недавно возвратился из очередной поездки в Рим. Там, вместе с влиятельными римскими иудеями, ему удалось попасть на церемонию назначения нового наместника Иудеи.

— И как ты думаешь, уважаемая Шифра, что я услышал из уст наших римских собратьев? — с иронией спросил Нимрод. — Они попросили нового властелина Иудеи не слишком притеснять их братьев. Они умоляли уважаемого наместника помнить, что "хороший пастух **стрижет** овец, но не **снимает** с них шкуру".

— Ко всему привыкаешь, — с грустью сказала Шифра, — только бы не было хуже.

Она с тревогой думала о своих девочках Ривке, Оре и Эфронит. О своем повзрослевшем сыне Ицгаре. Потом неожиданно перешла к мыслям о семье подруги её детства — Юдит. Её семья по-прежнему жила в Бетулии. Особенно тревожил Шифру, Шел, брат покойного мужа Юдит.

Шел ненавидел римлян. Шифра с тревогой узнала, что он один из тех воинственных юношей, кого в народе называют *сикариями* — так как их оружием была сика — узкий длинный нож.

Шифра пыталась отогнать пугающие мысли, но они одолевали её.

Между тем, небо заволочло сплошным облачным слоем. На землю обрушилась лавина дождя. Вдоль переулков и тесных улочек забурили мутные потоки воды.

Шифра с грустью вспоминала времена её молодости, когда с началом дождей, люди селения выходили из своих жилищ и тщательно убирали улочки и переулки, чтобы без помех потоки воды могли течь в общинное водохранилище.

— Боже! Как давно это было! — вздыхает Шифра и вновь погружается в воспоминания.

Еще был жив её брат Эльзар, да будет память о нем светла, а кузнец Шмуэль был совсем молод...

Под потоками проливного дождя шел он тогда по переулкам селения и прочищал заторы, возникавшие в потоках воды, несущейся к водохранилищу. На его плечах был огромный мокрый мешок.

Когда Шмуэль подходил к их дому, вспоминает Шифра, он непременно ударял по куску железа, им же подвешенному, и ждал, когда Шифра пригласит его войти в дом, погреться. Однако, прежде чем она успевала что-либо сказать, он спрашивал, дома ли её брат Эльзар. Если она отвечала отрицательно, Шмуэль тут же отступал на шаг, вновь взваливал на могучие плечи тяжелый мешок, заполненный мокрыми ветками, листьями и выловленным мусором и удалялся, приговаривая, что обязательно зайдет, но немного позднее. При этом Шифра видела, что хлеставшие потоки дождя не могли смыть счастливой улыбки с его лица.

— Боже! Как давно это было..., - вздыхает она и смотрит на свои старые, но все еще крепкие руки.

Она улыбается своим мыслям.

Сколько труда досталось этим рукам? Они растили детей, сеяли зерна, вязали снопы, мололи муку на домашней каменной мельнице...

Эти руки без устали трудились у домашнего очага. Приходилось готовить еду на две семьи, с теплотой думает она, её и для семьи безвременно ушедшей Эсты.

— И, да продлится жизнь Шмуэля и его детей, и да будут все они здоровы! — шепчет она, обращаясь к Всевышнему.

Шифра возносила молитву и за благополучие бесконечно дорогих ей людей: Бен-Цура, её первую и единственную любовь, за Ривку, Ору и Эфронит за бесценный подарок Адоная — Ицгара.

— Где он сейчас?...

Мальчик всегда вызывал у неё тревогу. Конечно, Шифру радовало, что Ицгар возмужал, что он счастлив в своих долгих торговых поездках с Нимродом.

В глубине души она немного ревновала Ицгара к старому купцу, называвшему его сыном.

Волну тихой грусти вызывали воспоминания об Эсте. Для Шифры она была не только женой её единственного брата, но и верной подругой, частью её собственной жизни.

Случилось то, что случилось. После гибели её брата Эльзара, вторым мужем Эсты стал Шмуэль.

Шифра его любит как брата. Он надёжный и славный человек, но в глубине души она знает, что Эста навсегда осталась женой Эльзара. Их сыном был Элька. Позднее у Эсты и Шмуэля родились еще трое детей — Ноах, Давид и Юдит.

Юдит была первая девочка, которой Эста подарила жизнь. *Свою* жизнь... И Шифра смахивает навернувшиеся слёзы.

Она вспоминает последнюю просьбу Эсты, умиравшей на её руках.

— Подари девочке имя Юдит..., - прочла Шифра по чуть шевелившимся губам Эсты и поняла желание умиравшей. Она вручала ей девочку, как продолжение своей жизни. Она хотела, чтобы *Юдит*, имя любимой подруги юности Шифры, навечно привязало бы её сердце к беспомощному только что родившемуся существу. Понял это и Бен-Цур. И всеми силами поддержал Шифру.

Прошли годы, Юдит выросла, превратилась в стройную красавицу и была для сердца Шифры не менее дорогой, чем её собственные дети.

Отвлекаясь от охвативших её воспоминаний, Шифра взяла с полки расческу и принялась приводить в порядок все еще густые, но изрядно побелевшие волосы.

Она расплела косы, тщательно проверила, не завелись ли вши? Эти насекомые появились в их селении уже давно, с тех пор как у них частыми гостями стали сборщики налогов и переписчики населения — выходцы из языческих деревень..

Шифра вновь заплела косы, скрутила их в плотный узел и укрыла под головной повязкой. Бен-Цур еще не скоро возвратится из синагоги, и она решила выйти в поле.

Дождь прошел, вновь сияло теплое утреннее солнце.

За последние годы хозяйство Шифры значительно расширилось. Купец Нимрод приобрёл большой участок земли, находившийся на северо-западных склонах возвышенности Титура.

Купленную землю он записал на имя Юдит. Старый хитрец уже давно заметил, что его любимый воспитанник Ицгар далеко не безразличен к дочери кузнеца Шмуэля и покойной Эсты, к семье которой купец относился с большой теплотой.

Шифре же он искренне признался, что не может спокойно спать, пока у единственной дочери покойной Эсты не будет достойного приданого.

Папирус на право владения землей он передал на хранение кузнецу Шмуэлю, отцу Юдит. Надел Юдит, состоял из двух различных участков.

Тот, что спускался к долине ручья Дотан, был пригоден для пахоты. Второй, поднимающийся к Титуре, был каменист, однако имел немало террас, удобных для разведения винограда и посадки фруктовых деревьев.

В первые годы владения землей Шифра будила Юдит до восхода солнца, чтобы как можно раньше выйти в поле и засеять заранее вспаханную землю.

— Ни птицы, ни жара не должны повредить зёрна, — объясняла Шифра. — Труд хлебороба, — говорила она, — подобен молитве. Он начинается до восхода солнца, потому что все решения, которые принимает Всевышний, вступают в силу с первым утренним светом.

Юдит хорошо усвоила эти уроки. Она даже купила на иерусалимском рынке, что у Рыбных ворот, календарь земледелия, где было точно все расписано: месяц сева, месяц прорастания зерна, месяц жатвы ячменя, месяц уборки других злаков. Помимо того указан также месяц подрезания виноградных лоз и месяц сбора фруктов.

Юдит очень гордилась этим календарем, хотя никогда им не пользовалась.

Второй участок, непригодный для пахоты, требовал особого внимания. Необходимо было приспособить множество каменистых выступов к посадке деревьев. Вновь отстроить разрушившиеся террасы. Дополнить их землей.

Когда работа приближалась к завершению, Юдит, при поддержке Шифры, решила посадить виноградные лозы вместо фруктовых деревьев. Это решение оказалось судьбоносным.

Шмуэль сомневался. Ему все же казалось, что вместо виноградника, лучше посадить рожковые деревья, миндаль и, конечно же, плодоносящие смоковницы. И тогда, его дочь, подобно Шифре, сможет обеспечивать семью сушеными фруктами и миндалем, а часть пойдет на продажу. Римские власти с охотой покупали зрелые рожки и вяленые плоды инжира.

Однако Шмуэль ни на чем не настаивал. Лишь бы хорошо было дочери. За восемнадцать лет, истекших с того дня, когда Эста возвратила Всевышнему свою истрадавшуюся душу, Шмуэль так и не пришел в себя. Был замкнут. Все время проводил в кузне или в мастерских своих учеников.

Он был убежден, что сельское хозяйство — удел женщин. Бесспорным доказательством служила для него Шифра. Как и многие годы тому назад, он видел в ней хозяйку земли, на которой все они жили.

Адонай наделил Шифру тонким чувством, улавливающим дыхание земли, она знала точное время, когда земля готова принять в себя зерна, чтобы одарить землепашца обильным

урожаем, как знала и то, где найти нужную траву, чтобы помочь больному человеку. Она врачевала раны у людей, оживляла обожженные деревья.

Шмуэль видел собственными глазами, как в тех местах, куда прикасались руки Шифры, вскоре появлялись зеленые ростки. Он знал и то, что самые лучшие всходы пшеницы были там, где она предавала земле пшеничные зерна.

Таково призвание женщины.

Дело же мужчины, был уверен Шмуэль, всячески облегчать тяжелый труд женщины. Запрягаться в соху, пахать, приносить из русел речушек плодородную землю, обогащать ею поля.

Он верил, что женщинам всегда виднее где, когда и что надо сажать, или сеять.

После первых осенних дождей все, кто были дома, принялись за очистку террас. Удаляли разросшуюся траву, вырубали кустарник, собирали крупные камни, рыхлили спрессовавшуюся землю.

В такое время к Шифре возвращалась молодость. Она была подвижна, энергична, указывала, где и на какую глубину копать ямки для посадки виноградной лозы, как лучше закреплять черенки.

Рядом с ней всегда была Юдит. Как и на Шифре, на Юдит была просторная рабочая хламиды. Но, в отличие от Шифры, тонкая и гибкая талия Юдит была перехвачена узким коричневым пояском.

Юдит собирала камни рассыпавшейся ограды и старательно укладывала их на прежние места. Одновременно она успевала принести прохладную воду из ручья, угостить работавших пригоршней сладких рожков.

Её голос, улыбка, её искренняя забота вызвали теплые ответные чувства. Её любили. Она была необыкновенно хороша.

Юдит внимательно прислушивалась к разговору между Шифрой и Шмуэлем. Та объясняла кузнецу, равнявшему тяжелой волокушей узкую полосу террасной земли:

— Для хороших урожаев винограда, — неторопливо говорила Шифра, — важно вовремя разрыхлить землю, напоить водой корни кустов.

Юдит видела, как отец, старательно дробил кузнечным молотом камни. Время от времени он прерывал работу и внимательно прислушивался к негромкому голосу Шифры.

— ... И тогда ягоды будут крупными, — объясняла она, а гроздья, будут большими, как у разведчиков, посланных Моше-рабейну на Землю обетованную. Для этого, — говорила Шифра, — нужно проделать ровики к корешкам саженцев, чтобы к каждому подвести ручеек воды.

— Тетя Шифра! — прерывает её Юдит, до этого слушавшая молча. — Я знаю, как сделать ровики не из камней!

Но вместо ответа Шифры, она услышала недовольный голос отца,

— Если знаешь, то попробайся не класть камни обратно в ограду террас, но составлять из них ровики, о которых говорит Шифра.

— А вот и нет! — озорно возразила девушка. — Из таких ровиков большая часть воды все равно утечет в землю! Она не дойдет до дальних кустов!

— В этом ты права, — примирительно сказала Шифра, — что же делать?

— Тетя Шифра, — тут же отозвалась Юдит, — ты сама мне рассказывала, как отец твоей подруги из Битулии делал такие ровики не из камней, а из разрезанных вдоль глиняных трубок! Помнишь?

— Помню... -

Но Юдит, не ожидая, когда Шифра скажет, что именно она помнит, продолжала:

— Я уже говорила с Элькой.

Она оглянулась, в поисках Эльки, но не нашла его, и во всю мощь молодых легких позвала: "Элька-а-а!"

— Я зде-е-есь! — передразнил её Элька, и, улыбаясь, неожиданно вышел из-за спины Юдит.

— Ты всегда пугаешь меня! — Возмутилась она, но было видно, что она не сердится на него за его мальчишеские проделки. Он всегда подшучивал над ней, как будто она всё еще маленькая девочка.

— Рада такому решению! — встrepенулась Шифра. — Действительно, старая голова многое забывает. Эльзар тебе поможет.

Так последнее время Шифра называла Эльку, желая подчеркнуть его самостоятельность и зрелый возраст.

— Уже более сотни полутруб готовы, — заметил Элька, — их можно укладывать. Сестричка прожужжала мне все уши: трубки, трубки... — получай свои заказ!

И он указал, на груду тщательно отделанных керамических изделий, принесенных им и Бен-Цуром. Шифра грустно улыбнулась.

— Вы у меня молодцы.

Видя усталость Шифры, Шмуэль неуклюже сгреб в охапку лежавшие черенки саженцев и начал подниматься к террасам, оставляя у трубок Бен-Цура, Эльку, Шифру и Юдит.

— Разложу по лункам... — нерешительно сказал он, но тут же услышал огорченный возглас Юдит.

— Отец! Ты смешал все виды винограда!!

Она отняла у него тяжелую охапку черенков, еле удержала её и вновь начала раскладывать по стопкам.

— Как ты не понимаешь?! — возмущалась она, — это лозы разных сортов винограда!

— Видишь эти, чуть вьющиеся? — На них будут черные ягоды для винодельни! — объясняла она Шмуэлю. — А это — белый виноград для продажи на рынке, на нём будут большие и тяжелые гроздья...

— Я права? — Обратилась она к Шифре.

Та в знак согласия кивнула.

— А эти кусты, — решительно продолжала Юдит, — дадут нам зимний виноград!

Шифра, Шмуэль и Бен-Цур одобрительно наблюдали, как Юдит ловко раскладывала черенки по сортам винограда.

— И когда она успела всё это узнать? — Удивлялся Шмуэль.

Шифра же вспомнила, как в *год шмитты*, будучи детьми, они с покойным братом Эльзаром и его другом Шмуэлем, играли в виноградниках селения и вволю лакомилась сладкими, как дикий мёд, ягодами.

На седьмой год урожай не собирали, и можно было есть виноград кому угодно, сколько угодно и, главное, прямо с кустов.

И они ели.

Шифра с улыбкой вспоминает, что даже Нафтали, навещавшийся в Модиин, забирался с детьми в виноградники, ел сладчайшие ягоды и приговаривал: — Вот почему даренная нам земля называется "Земля, текущая молоком и мёдом"....

Со временем Юдит стала замечать, что не каждый год её виноградник дарил сладкие гроздья. Иногда, даже подсыхая, ягоды оставались кислыми.

Величина гроздьев на одном и том же кусте бывала разной — от тугих и тяжелых, до тонких и жидких, едва насчитывавших десятков ягод.

Та же беда была и с листьями виноградных кустов. Вместо широких, как у мандрагоры, эти листья еле прикрывали плоды все той же лозы.

Спустя несколько лет она уже знала, что так и должно быть. Если Всевышний дарил не очень знойный год, с холодными ночами и горячим дневным солнцем, то ягоды созревали крупными и душистыми и уже издали, на подходе к виноградникам, виднелись большие золотистые слитки этих ягод, либо сбитые в пирамиду, сгустки рубинового цвета.

В такой год виноград быстро расхватывали на Лодском и Иерусалимском рынках. Юдит хорошо запомнила слова Нафтали, сказавшего, что из такого винограда, если он чуть подсохнет на кустах, получается душистое, особенно ценное вино.

И она была очень рада, когда её виноградник вносил хороший вклад в семейную казну.

Юдит гордилась тем, что помогает Шифре осуществить её заветную мечту — построить недалеко от их дома новую *микву*. Шифре трудно было добираться до старой миквы, хотя та была совсем недалеко. Болели суставы ног, донимала спина.

За вино Юдит выручала хорошие деньги. Ей помогали Ицгар и Нимрод. Отправляясь в Рим, Афины, или на Кикладские острова, они брали с собой амфоры с её вином.

Ицгар не раз рассказывал ей, что их корабль не успевал даже причалить, как уже издали, с берега, продавцы хороших вин спрашивали, есть ли на корабле вино "Юдит". И она счастливо улыбалась, вспоминая голос Ицгара, — а он говорил:

— Люди, покупавшие это вкусное вино, не знали, откуда пришло его название — от сорта ли неизвестного им винограда, или от названия местности, где росли такие ягоды.

Ицгар с гордостью передавал из рук в руки чуть запотевшие амфоры и тут же получал запрашиваемую сумму.

И вновь, когда Юдит вспоминала Ицгара, сердце её замирало. Из-за этого она злилась на себя и, особенно, на него.

Может быть поэтому, когда Ицгар был дома, и они встречались, в неё вселялся *йецер ара*, что-то злое и агрессивное и она вела себя грубо, даже враждебно по отношению к Ицгару. Дерзила. Но он ничего этого не замечал. Терпеливо сносил её грубости, молчал, или улыбался своей загадочной, рвущей сердце, улыбкой.

"Где он теперь?" — с тоской думала она. Время тянулось, как тяжело груженная фура, запряженная ленивыми волами.

В середине месяца *иват* Шифра поднялась к подножьям Титуры, чтобы осмотреть свое поле. Оно находилось неподалеку от участка Юдит и начиналось у гончарных мастерских Эльки, затем прерывалось каменными глыбами, выступавшими из земли, и далее тянулось до самой Титуры.

После трех дней ветреной погоды и обильных дождей, небо вновь завораживало первозданной голубизной. Теплое зимнее солнце, успевшее подняться довольно высоко над Иудейскими горами, пригревало парившую землю.

С волнением Шифра обнаружила на миндальных деревьях звездочки весеннего цветения. Их нежные лепестки еще не покрыли деревья белыми или розовыми облаками, не превратили их в нарядных невест, но Шифра знала, что это непременно произойдет. Еще три-четыре теплых солнечных дня...

Она подошла к одному из деревьев, посаженному ею семь лет тому назад. Осторожно подтянула к себе тонкую ветку с яркой белизной искрившихся цветов, вдохнула пьянящий аромат, зажмурила глаза, но тут же с испугом отпрянула.

На одном из цветков старательно трудилась пчела, погружая в него длинный тонкий хоботок.

Шифра улыбнулась — не хватает, чтобы пчела ужалила её в нос, и тот раздулся величиной с куриное яйцо. Представив себе подобную картину, она рассмеялась.

Так она смеялась когда-то, в далекой юности, когда, будучи девчонкой, бродила со своей подружкой Юдит по руслу речушек в окрестных низинах Бетулии, собирала лечебные травы.

И вдруг, подобно эху её же мыслей, до слуха Шифры донесся тревожный возглас, в котором звучали боль и испуг:

— Тётя Шифра! Меня ужалила в нос ог-г-громная пчела! Я хотела понюхать цветок миндального дерева, и не заметила её... — стонала Юдит.

Шифра поспешила на помощь. Она ничуть не удивилась встрече с дочерью Шмуэля. Так, без всякой договоренности, они могли встретиться у подножья Титуры, на склонах зеленевших холмов или в нешироких руслах оживавших речушек. Для этого им вовсе не надо было договариваться.

Юдит чутьем знала, куда и когда идти, чтобы встретить тётю Шифру. И Шифра ловила себя на мысли, что и она всегда чувствует, где находится девочка.

Между ней и Юдит существовала прочная необъяснимая связь. Эта связь особенно сильно ощущалась, когда, не договариваясь, они встречались в прилегающих ущельях, где обе собирали хворост, или оказывались плечом к плечу на осенней обрезке виноградных лоз.

После внезапной кончины Эсты, да будет память о ней незабвенна, матерью новорожденной стала она, Шифра. Да и могло ли быть иначе?

Ни на миг Шифра не забывает предсмертную просьбу Эсты — назвать девочку Юдит — именем её подруги юности.

Разве можно сосчитать, сколько бессонных ночей выпало на долю Шифры? Девочка была слабой, болезненной и Шифра, приложив все свои силы и терпение, извлекала из уголков памяти давно забытые лечебные секреты ухода за малютками, купала и отпаивала её несметным количеством настоев и трав. И не было дня, чтобы она не обращалась к Всевышнему, умоляя его сохранить жизнь бесценного ребенка.

И Он услышал её молитвы. Юдит выросла красивой стройной девушкой. И, так же как Шифра, оказалась прирожденной крестьянкой.

Она любит землю, чувствует, когда земля готова принять зерна. У неё легкая рука. Все зерна, которые Юдит отдает земле, непременно дают ростки.

"Это знает вся округа", — с гордостью думает Шифра. Не случайно, даже опытные хлеборобы не раз приглашали её питомицу, засеять их скромные наделы.

Шифра озабоченно смотрит на приближающуюся девушку. Уже издали видит покрасневший от пчелиного жала небольшой носик. Шифра тут же вытаскивает из кармана хитона медное зеркало и прижимает к ужаленному месту. Юдит терпеливо молчит и лишь время от времени тяжело вздыхает.

Холодный медный диск постепенно смягчает боль.

— Главное, чтобы нос не распух... — вздыхает Юдит. — А то буду страшилищем на все селение...

— Страшилищем ты никогда не будешь..., - с улыбкой шепчет ей на ухо Шифра, — ты останешься самой красивой девушкой в Модиине. Все мальчишки только на тебя и засматриваются.

При этих словах Шифры Юдит замирает. Она мысленно противоречит ей.

— "Не все, тётя Шифра, не все! Например, твой сын Ицгар за всю неделю перед отъездом так ни разу не взглянул в мою сторону..."

Почувствовав смущение девушки, Шифра как можно мягче объяснила:

— А тот, кто не смотрит в твою сторону, часто видит значительно больше, чем можно подумать...

Юдит невольно вспоминалось как однажды, когда они вдвоем с Ицгаром прочищали канавки для полива виноградника, она излишне резко приказала ему что и как делать, и тут же испугалась. А вдруг он уйдет? Хотела попросить прощения, но еще и сейчас в её ушах звучит его спокойный голос:

— Совсем не важно как человек себя ведет, его лицо иногда говорит намного больше, чем его голос. Сквозь лицо, — говорил Ицгар, пряча свое, — как через окошко видна душа человека, даже если человек пытается это скрыть.

"Он рассуждает как взрослый мужчина! — думала о нем Юдит. — Он похож на своего отца Бен-Цура — молчит, но если заговорит, навсегда оставляет глубокий след в душе".

— Где он сейчас, её Ицгар, и её ли, тосковала она. Прошло более трёх рождений луны с тех пор, как он и Нимрод, и с ними еще 12 односельчан, отправились в далекую Вавилонию.

Бен-Цур говорит, что этот город находится где-то на Великом Шелковом пути.

Юдит, тайно от всех, с жадностью собирает каждую крупницу вестей. Если они хоть в какой-то мере касаются Ицгара...

Она ни на минуту не забывает их последний разговор, когда он, со свойственной ему медлительностью, сказал, что среди всех творений Адоная встречаются **родственные души**.

— Смотришь на человека, и тебе кажется, что ты давно его знаешь....

— И много ли ты встречал таких **душ** во время своих бесконечных поездок с Нимродом? — резко прервала его Юдит.

Ицгар покраснел, смутился, склонил голову, начал ворошить курчавую гриву.

— Нет, — тихо ответил он, — всего один раз...

Она и сейчас с замиранием сердца вспоминает его слова. Она знает — он говорил о ней, но... может быть, и нет? Может быть, она слишком высокого мнения о себе? Теряется в догадках...

Почему бы ему не сказать прямо — **кто эта родственная душа**, которую он встретил всего один раз?

...Как быстро пролетели минуты их общения! И вообще, когда не нужно, с огорчением думает Юдит, время летит очень быстро! Несётся как ласточка в небе, или как весенний ветер...

Неожиданно Юдит отстраняет руку Шифры, держащую медное зеркало, и с восторгом шепчет:

— Смотри, тетя Шифра! — и сама замирает.

На песчаной лужайке, оставшейся после высохшей лужицы, разместилась стайка воробьев. Они совсем как люди возлежали на боку либо распластались на животиках. Юдит даже испугалась — не погибли ли они?

— Да нет же! — успокоила её Шифра. — Они греются на песке и в песке же купаются.

Затем с теплотой в голосе добавила:

— Отдыхают после холодной зимы.

И, действительно, присмотревшись, Юдит увидела, как многие из лежебок, растопырив крылышки, кувыркались в песке, погружаясь и стряхивая искрящиеся песчинки.

"Вот и познай этих пичужек, — огорчается Юдит, — а что уж говорить о человеке..."

Время несется особенно быстро весной. В Модиине семнадцатый день месяца *адар* — разгар весны. Густая зелень поднявшегося ячменя покрывает поля плотным душистым ковром. Серебрятся первые колоски высокой тонкой ржи, а лечебные стебли овса играют паутиными нитями при легчайшем дуновении ветра.

До встречи с Шифрой Юдит начала свой день с осмотра зазеленевшей смоковницы. Могучее дерево просыпалось после зимнего сна. На его ветвях вспыхнули нежно-зеленые листья.

Подобно человеку, дерево собирало силы, чтобы исполнить предназначенное ему Всевышним — одарить людей крупными сладкими плодами.

Юдит осторожно, как бы боясь испугнуть, прикоснулась к зеленым, еще липким листочкам. Почувствовала их упругость и затаённую внутреннюю силу пробуждающейся жизни.

Природа и человек были едины. И это ощущение могучего единства всегда вызывало в душе Юдит волнующую радость, которую она испытывала с приходом весны.

Окружающие холмы украсились желтыми цветами горчичных кустов. По мере приближения к ним Юдит, услышала незатихающий пчелиный гул. Эти труженики неумоимо облептели каждый цветок, погружали в него хоботок и тут же спешили к следующему. Затем, отяжелев от обильной взятки, улетали к своему гнезду. Вместо них появлялись новые пчелы, и этому движению не было конца.

"Так и люди, — думала Юдит, — например Ицгар, он, как пчела, всё время в полёте. Вот и сейчас: где он? В каких даях расправил свои крылья?..."

"Конечно же, с ним рядом, — не без зависти думает она, — находится купец Нимрод."

И неожиданно она ощущает, как в её душе поднимается волна злости против старого купца. Это острое чувство растёт, превращается в плохо управляемое негодование.

— Пусть этот вредный старикашка умрет! — шепчет Юдит. Он слишком надолго забирал у неё Ицгара.

О, если бы Ицгар был чуточку догадливее! Тогда бы и старый Нимрод мог бы долго-долго жить...

Нет, она лично не имеет ничего против Нимрода, продолжает свои размышления Юдит, наоборот, он даже вызывает у неё добрые чувства. Он совсем не жадный и в радостные минуты называет Ицгара сыном. Ицгару с ним хорошо...

Ицгар и Нимрод, трудятся подобно пчелам. Юдит старалась быть непредвзятой. Они собирают в Модиине, Бетулии, Лоде и других селениях оливковое масло, кувшины с её вином; подсушенные, и от этого особенно сладкие гроздья осеннего винограда, мешки с ячменем и пшеницей и везут продавать в далёкие города и страны. Юдит знала, что Нимрод очень любит Ицгара и ничего для него не жалеет.

"Нет, пусть живет! — и Юдит великодушно отменяет свое прежнее пожелание. — Все же он хороший!"...

И, чувствуя, что совсем запуталась, громко рыдает.

— Пусть не умирает, — повторяет она, — пусть живет, но... Все же пусть произойдет с ним что-нибудь не страшное, не смертельное. Пусть произойдет такое, чтобы он нуждался в её помощи.

Тогда-то она покажет этому зазнайке — Ицгару как она умеет ухаживать за больным, и какая она чуткая, добрая, терпеливая.

"Это все из-за него, Ицгара! — ругает себя Юдит. — Кажется, я схожу с ума"...

С испугом оглядывается, нет ли кого поблизости? Так размышляя, она уже не раз горько плакала, но, чтобы никто не видел.

Раздумья девушки были прерваны большой стаей белых цапель. Они неторопливо перелетали с холма на холм. По их перелетам Юдит определила, где сейчас находится её брат Давид, пасущий стадо.

Эти небольшие белые птицы, сопровождающие животных, называют овечьими цаплями. Они умные, рассуждала Юдит, не то, что попрошайки-воробы.

Следуя за стадом, белые цапли находят обильную пищу. Юдит не раз видела как овцы, вороша кусты, испугивали тучи кузнечиков, обнажали притаившихся улиток, мелких ящериц и те мгновенно исчезали в желтых клювах всегда голодных птиц.

Среди весенних цветущих полей Юдит находит поле, принадлежащее её семье.

Поле стало смыслом её жизни, конечно же, не считая Ицгара. В эти теплые весенние дни, она вышла, чтобы определить, не пришло ли время пахать землю.

Бывает Юдит и на участке, что в долине реки Аялон. Этот участок перешел к тете Шифре от её покойных родителей. Да починут они в мире!

На этот участок они пойдут через неделю вместе с тетей Шифрой и Бен-Цуром, если он, как всегда, не будет занят в кузнице Шмуэля или мастерских Эльки.

В долине Аялона земля всегда более влажная и должна еще подсохнуть.

Выходя в поле, они возьмут с собой плетеные корзины с большими ручками. Эти ручки позволяют, не опуская корзин, складывать в них найденные лечебные травы.

Юдит хорошо знает, какие травы и когда собирать. При этом важную роль играет точное время — начало, середина или конец месяца, время суток. Прозрачен ли воздух или стоит туман.

Встретив ромашку, Юдит невольно вспоминает Шифру.

Она ей рассказывала, что в семействе ромашек много разных сестер. Но лишь одна из них — вон та, с желтой сердцевинкой и белым венчиком вокруг — хороша для лечения бессонницы, она же обладает свойством успокаивать.

— Как ты, тетя Шифра? — задает лукавый вопрос Юдит. Шифра грозит ей пальцем, затем продолжает:

— Настой ромашки хорошо помогает и при болях в животе.

— А помнишь, когда у меня болел живот, — спрашивает Юдит, — ты дала мне настой этого цветка?

— И помогло? — с улыбкой задает встречный вопрос Шифра. — Помогло... — смущенно отвечает Юдит. — Помогло и тогда, когда у меня началось то, что бывает у девочек, при взрослении. Ромашка стерла приступы боли, головокружение и непонятные тревоги, забравшиеся в душу...

В ответ Шифра кивает. Затем чуть дрожащей рукой протягивает девушке какие-то веточки и вопросительно смотрит на неё.

— Это шалфей, — тут же отвечает Юдит, — он изгоняет лихорадку, унимает дрожь в руках...

— Но, увы, не избавляет от старости, — прерывает её Шифра.

— Тоже мне, нашлась старушка! — парирует Юдит и многозначительно добавляет:

— Шалфей, между прочим, укрепляет нервы...

— А знаешь ли ты, противная девчонка, — контратакует Шифра, что корень солодки — хорошее отхаркивающее средство?

— Знаю! — принимает вызов Юдит. — Этот корень также хорошо поддерживает тех, кто чувствует постоянную усталость.

— Верно, — кивает Шифра и примирительно добавляет: — Корень солодки заменяет мед, если его нет...

Как и Шифра, Юдит раньше всех выходит из дому. Она спешит навстречу зову земли. Оглядывается и видит около своего дома трубы гончарных печей. А рядом с ними несколько огромных сиреневых шаров *шудина дерева* (клизь а-хореш)..

В этом году деревья зацвели значительно раньше обычного. Юдит знает причины этого чуда: недавно прошли дожди. Но не только они разбудили спавшие деревья. Неожиданно, среди цветущей нежаркой весны, накатил хамсин. Горячий пыльный ветер принес мутные капли дождя, поторопил деревья. Они взорвались пышными красками весеннего цветения, чтоб тут же обессилеть, потускнеть и осыпаться.

Юдит не хотела думать о хамсине. Она не любила, когда голубизна весеннего неба теряла искрящуюся прозрачность и серовато-желтая вуаль пыли заволакивала все вокруг.

Даже Иудейские горы тускнели и медленно растворялись в светло-коричневом тумане пыльных облаков.

Она искренне сожалела, когда исчезало весеннее солнце, блекла трава, еще недавно сиявшая густой россыпью водяных капель. Скрутившиеся листья покрывались густым покровом пыли и судорожно трепетали под порывами пыльного горячего ветра.

Чуткая душа Юдит наполняется грустью. Ей хочется плакать.

— Хамсин... — вздыхает она.

Надо срочно возвращаться домой и прикрыть молодые побеги чеснока и лука, высаженные недалеко от дома. Они нуждались в её защите. У неё всегда были наготове старые, но все еще плотные циновки.

Еще в прошлом году Элька помог ей уложить в землю керамические трубки, по которым вода из колодца могла поступать к этому участку.

Юдит вытащила из водосборника полное ведро и осторожно, чтобы не пролить ни капли, залила в широкий раструб, находившийся рядом с водосборником.

Ведро, еще ведро. Она невольно думала о том, что этот колодец-водосборник выкопали её брат Давид и Ицгар. Вспоминала, как они оба измазанные водонепроницаемым раствором, лепили его на стенки колодца, чтобы он сохранял всю, до капельки, собранную воду.

Теперь из этого колодца она поднимала воду, ведро за ведром, спасала свою долю, вносимую в семейную кассу.

Лук и, особенно, чеснок приносили приличный доход. Римляне хорошо за них платили. Они были важной частью ежедневной пищи римских солдат.

Глава 3

Друзья

Вытаскивая ведро за ведром, Юдит думала о дружбе её брата Давида с Ицгаром. В сердцах удивлялась этой дружбе. Что общего могло быть у её молчаливого, заполненного тайнами брата, и рассудительного Ицгара?

У каждого был свой характер. Ицгара увлекали военные игры. Он был как его отец Бен-Цур, коренаст, плотно сложен, мускулист и предельно самостоятелен. Во всех играх сверстники сразу же ему подчинялись.

Иное дело Давид. Он внимательно наблюдал за этими играми, иногда кого-то поощрял либо осуждал за неправильные приемы, причинявшие боль.

Дети не раз пытались вовлечь его в свои игры, но он находил ровную ветку дерева, пристраивался в тени и вырезал на палке замысловатые узоры. Потом отдавал эту палку кому-нибудь из сверстников. Иногда он находил тростниковый стебель, мастерил из него свисток или флейту. Терпеливо дожидался окончания игр, и, пристроившись к Ицгару, направлялся домой.

Давид выделялся высоким ростом, был худой, жилистый, смуглый. Ицгар уступал ему ростом, но был значительно шире в плечах.

Брат ходил быстро, легко, как будто не касаясь земли — Ицгар ступал тяжело, как слонёнок.

Там где проходил Ицгар, с улыбкой вспоминала Юдит, оставалась дорожка, проложенная среди кустов, и овцы следовали за ним как за вожаком.

Однако, несмотря на все эти различия, Юдит знала, что между ними существует крепкая дружба, хотя за весь день они могли обменяться всего лишь несколькими словами, из которых Юдит ничего не могла понять.

Нередко ребята уходили с взрослыми пастухами в горы на выпас овец и коз. Шифра готовила каждому из них еду и укладывала в пастушьи сумки. Юдит им завидовала.

Когда Давид и Ицгар подросли, они начали сами, без взрослых пастухов, выходить со стадом в горы. Затем их интересы разошлись.

Давид стал пастухом, хозяином стада. Знал куда и в какие места лучше всего направить животных. Умел в поле принять только что родившегося ягнёнка. Хорошо владел заостренным посохом и мог защитить стадо от одичавших собак, шакалов или стаи волков.

Ицгара вначале заинтересовала работа в кузнице Шмуэля. Он научился ковать мечи, серпы, подковы, делал дверные петли, гвозди и многое другое. Однако всё изменилось, когда купец Нимрод однажды взял его в одну из торговых поездок.

И был это, как помнит Юдит, небольшой караван, отвозивший на Иерусалимский рынок кувшины, кружки и другие гончарные изделия, изготовленные в мастерских Эльки.

Шифра рассказывала, что Ицгар очень огорчился, когда увидел грязные улицы города. Повсюду высились горы мусора, никто его не убирал. Римские патрули привычно топтали по этим кучам, разносили грязь и смрад, как будто бы это их, властвующих в Иерусалиме, вовсе не касалось, а, может быть, они к иному и не привыкли, — рассуждал Ицгар.

Нимрод тоже страдал от происходящего. Они пытались обходить подобные места, что вызывало у римских солдат веселый хохот.

Ицгар видел, что этот хохот не огорчал Нимрода, старик делал вид, что не слышит его. Он был поглощен своими мыслями. Объяснял Ицгару, что в поездках встречается не только

плохое, о чем, конечно, тоже надо знать, но и красивые деяния человека и, особенно Всевышнего: вечнозеленые леса и горы, реки и водопады. В путешествиях всегда есть доля риска, всегда надо быть готовым ко всяким трудностям и неожиданностям, уметь находить правильные действия для благополучного выхода из положения.

Свои рассказы-наставления Нимрод подкреплял увлекательными историями, происшедшими во время его поездок в Каппадокию, Египет, Вавилонию, Иберику, Финикию и многие другие страны.

Именно после этих рассказов, вспоминает Шифра, Ицгар решил овладеть военным делом.

— Надо уметь защищать себя, своих людей, караван, — говорил ему Нимрод. И Ицгар был рад услышать то же самое из уст своего отца — Бен-Цура.

Юдит удивлялась, как же они оба, Ицгар и Давид, не похожи на её младшего брата Ноаха. Ноах горяч, энергичен, нетерпелив, но вместе с тем добр и чуток. Он первый замечает, когда ей грустно. Подходит и спрашивает: — "Почему солнце прячется за тучами? Рассказывай, в чем дело?"

И она делится с ним, как будто бы он не брат её, но близкая подруга.

Единственно, что она от него скрывает — это свои чувства к Ицгару. Да и что может сделать Ноах, если у неё, а не у него, прерывается дыхание, когда она поглядывает в сторону Ицгара. А Ицгар молчит.

Он хранит в себе свою тайну, и, как хорошо оштукатуренный колодец не позволяет просочиться наружу ни единой капле воды..

Может быть, именно поэтому она очень обрадовалась, когда Шифра рассказала ей как Ицгар, отправляясь с Нимродом в далекие поездки, не раз говорил, что всегда скучает по дому. Ему не хватает его друга Давида и...Юдит.

А еще она сообщила, что Ицгар как-то пожаловался на неё, Юдит.

— Он сказал, что ты совсем не такая, как все остальные девчонки, что ты смотришь в его сторону, но его не замечаешь. Ицгар даже украдкой оглядывался, чтобы увидеть на кого ты смотришь, но кроме самого себя, никого не обнаружил...

При этих словах Шифры обе понимающе смеются.

Когда между долгими поездками Ицгар бывал дома, он присоединялся к Давиду, и они вместе уводили стадо в дальние горы. Там, в лесах, даже в самые засушливые годы, всегда было много травы и низкорослого кустарника, излюбленного козами.

В такие дни Ицгар брал пастушью сумку, заполнял её хлебными лепешками, сушеным сыром, очищал от шелухи несколько луковиц, укладывал в мешочек подсоленные оливки, дюжину сухих плодов фиников и смоквы. Вешал на плечо кожаный мешок с питьевой водой. Выбирал одну из резных палок, и вместе с Давидом они выгоняли стадо в горы.

Однако перед выходом из дому, Давид внимательно осматривал Ицгара. Недовольно мотал головой и протягивал ему небольшой плоский керамический кувшин. Так было всегда, когда знойным летом они выходили со стадом на пастбище.

Давид заставлял Ицгара смазывать тело оливковым маслом, особенно голову, лицо, шею. Это была лучшая защита от обжигающих лучей летнего солнца. Ицгар пытался избежать "помазания". Он давно привык к обжигающим морским ветрам, однако Давид был неумолим.

Рассвет заставал их далеко от родного дома.

Однажды Давид выбрал для выпаса овец долину, лежащую между густыми лесами Бет-Гуврина и Бет-Шемеша. Еще с прошлого года Давид знал, что там много сочной травы, есть ручьи и в тени деревьев можно укрыть стадо от знойного солнца.

Они шли неторопливо, давая козам возможность пощипывать листья на довольно высоком кустарнике. Ицгар не престаивал удивляться разумности и ловкости этих животных. Они, поднимаясь на задние ноги, достигали ветвей даже очень высоких деревьев. Но особенно его удивило безразличие коз к неожиданно взлетевшей стае голубей. Один за другим, подобно снарядам баллисты, они вырывались откуда-то из подземелья и устремлялись ввысь.

Видя удивление Ицгара, Давид объяснил:

"Мы находимся над колумбариями — большими подземными колониями, где гнездятся эти птицы".

Затем он приблизился вплотную к Ицгару и негромко произнес:

— Здесь находятся подземные маслодавильни, винодельни, запасы зерна, большие подземные водохранилища, а рядом в каменном массиве выдолблены жилища для людей. Все это соединено подземными переходами. Под землей — целый город.

Они долго шли молча. И, как бы завершая ранее начатый разговор, Давид сказал:

— Так что римским легионерам будет не так-то просто отнять свободу у этих людей...

Когда они приблизились к зеленым коврам долины, Ицгар обрадовался прохладе в тени тамариска. Он невольно сравнил эту тень с тенью старой смоковницы, растущей в их дворе. Тень лесного тамариска излучала особенно душистую, чуть влажную прохладу. Это дерево напомнило ему молодые кипарисы, посаженные сестрами вдоль его дома. Но здесь чувствовалось дыхание леса.

Сделали небольшой привал. Давид аккуратно расстелил плащ. Положил на него посох, небольшую сумку, и пока Ицгар рассматривал хитросплетение корней старого дуба, Давид надоил небольшой кожаный мешок козьего молока и налил Ицгару в протянутую чашку.

— Козье молоко лучше буйволового, — объяснил он Ицгару, — с этим молоком, можно спокойно прожить весь день и не чувствовать усталости.

— Но еще лучше, когда есть хорошая хлебная лепешка, сыр, немного соли, луковица, горсть оливок, — сказал Ицгар и потянулся за своим мешком.

— К тому же, — весело продолжил он, — опытные люди говорят, что соль пробуждает мудрость и "вытягивает" наружу внутренний смысл вещей...

— Оставь всё это к обеду, и соль тоже, — парировал Давид, — ты просто не знаешь что такое мои козы! — и увлеченно заговорил:

— Овцы тоже славные животные, но козы — это совсем иное дело. Они выносливы, крепки, не знают усталости. И всё это содержится в их молоке. Овцы же нуждаются в равнине, густой тени для отдыха, сочной траве, а козы... — и он с явной симпатией погладил крупную светлую козу, потянувшуюся к нему за щепоткой соли, которую он взял в мешке, открытом Ицгаром.

— Козы сами находят пропитание даже в пустынной местности, — с теплотой продолжал Давид. — Соль же для них — как мёд для нас.

Однако, видимо, не желая обидеть овец, — Давид сказал:

— Зато овцы дарят нам много густой шерсти.

— Это я знаю! — весело ответил Ицгар. — В прошлом году на празднике стрижки овец твои питомицы дали наибольшее количество шерсти, и ты получил подарок — вон тот плащ, что ты расстелил на траве.

Отдохнув и попив козьего молока, они двинулись к подножию покатых холмов. Уже изда-лека Ицгар заметил обширную зеленую поляну, как бы предназначенную именно для овец Давида, и направил стадо к этой поляне, однако у самой поляны Давид, что-то закричал и со скоростью тигра, бросился к головной части стада. Начал энергично отгонять овец от пышной зеленой поляны в сторону лесной чащи.

Ицгар, хоть и не понял, что произошло, сразу же присоединился к другу. Лишь, когда стадо полностью втянулось в чашу леса, Давид объяснил, что на этой поляне растет слишком много смолоносицы.

— Это растение — ядовито, оно опасно для животных, — объяснил он Ицгару. — Если овцы нахватаются смолоносицы, то отравятся либо тяжело заболеют. Боль от этого яда невыносима, — завершил он своё объяснение

— Зачем же Всевышний создал столь вредоносное растение? — в раздумье спросил Ицгар.

Давид пожал плечами: — Кто знает? Быть может, так растение защищает себя, чтобы его не съели животные? В одном я уверен, — спокойно завершил Давид, — Всевышний не зря даровал жизнь смолоносице. У каждого на этой земле есть свое предназначение.

— Какая же роль у смолоносицы? — не сдавался Ицгар.

— Смотри, — и Давид срезал стебель. — Видишь, он напоминает удлиненную трубку-губку, из неё выступает смола. Если смолоносицу подсушить, она долго и хорошо горит.

— Теперь я знаю! — удовлетворённо вспомнил Ицгар. — Именно из смолоносицы Шифра делала фитили к субботним свечам. Я видел в её руках точно такие же губчатые стебли.

Идя за стадом, они все больше и больше углублялись в густую чашу леса. Перед ними пронеслась небольшая семейка газелей, промелькнуло несколько зайчишек, взлетела шумная стая куропаток, лакомящаяся фисташками.

Со всех сторон доносились голоса лесных голубей: ду-ду, ду-ду... Их дополняла частая дробь дятлов, без устали долбящих прочную кору вековых деревьев.

Примерно в полдень стадо приблизилось к ручью. Овцы с жадностью приникли к воде.

— И нам пора передохнуть, — присел на корточках Давид. Он открыл пастушью сумку и вытащил лепешку с сыром.

Ицгар остановил его.

— Давай устроим пир! Мы не так часто с тобой встречаемся.

Он развязал свернутый кусок светлой ткани, опоясывавшей его хламиду, расстелил в тени рожкового дерева и разложил прихваченную с собой еду.

Рядом с ними в густых колючках терновника резвилась стайка щеглов. Их желтые закрылки и багровые воротнички то и дело мелькали перед юношами. Изредка среди этой ярко раскрашенной стаи попадались скромные сероватые пеночки, искавшие свою долю пропитания.

Насытившись, Давид подошел к густому фисташковому дереву. Вспугнул задремавшего филина. Нашел сохранившиеся с прошлого года орешки, расколол, предложил Ицгару. Тот, в свою очередь, поднявшись на цыпочки, достал на рожковом дереве пересушенный темно-коричневый стручок. С загадочной улыбкой переломил надвое, вытащил несколько совершенно одинаковых черных зерен. Показал их Давиду и сообщил, что в торговом деле эти зерна используются как самая маленькая гиря. Её называют — **карат**.

— Золото и черный душистый перец, — сообщил он своему другу, — взвешивают на весах именно этими, самыми крохотными гирьками.

Давид с интересом посмотрел на небольшие черные шарики, затем неожиданно спросил:

— Вы с Нимродом не раз бывали у *Степного моря*, правда ли, что на его поверхности плавают большие черные глыбы смолы, напоминающие туши буйволов?

— Правда, — ответил Ицгар.

— И они тоже используются в торговом деле?

Ицгар кивнул в знак согласия.

— Расскажи, — попросил Давид.

— Мы с Нимродом не раз отвозили в Рим эту смоляную массу. Римляне, как и греки, называют её асфальтом, а наше Степное море — Асфальтовым озером...

— Зачем им нужен асфальт? — с явным интересом спросил Давид.

— Его нагревают в больших металлических чанах, от чего асфальт делается жидким, как сметана, — объяснил Ицгар, — потом корабельщики смешивают его с песком, покрывают им днища кораблей и лодок снаружи и изнутри.

— Зачем? — еще больше удивился Давид.

Ицгар улыбнулся.

— Понимаешь, — издали начал он, — воды Степного моря, откуда берут эти смоляные глыбы, очень соленые, но даже в этих водах асфальт не размокает. Он отталкивает от себя любую воду.

— Понимаю, — кивнул Давид, внимательно слушавший друга, — ты хочешь сказать, что днища кораблей и лодок, покрытые этой черной массой, не пропустят внутрь ни капли воды?

— Да, — подтвердил Ицгар, — ведь еще во время всемирного потопа повелел Всевышний праведнику Ноаху, чтобы тот сделал себе ковчег из дерева гофер и осмолил его изнутри и снаружи. Помолчав, он продолжил:

— По водам Степного моря к этим глыбам подплывают лодочники, набрасывают на них канты, как на настоящих буйволов, и тянут к берегу. Когда мы были в Риме, нам рассказывали, что римские врачи используют асфальт также для лечения людей.

Последнее утверждение Ицгара вызвало улыбку недоверия на лице Давида.

Друг явно привирал. Уж кто-кто, а он, Давид, знает, что нет ничего лучшего для лечения людей, чем травы, растущие на земле Израиля, которые собирает Шифра.

Но он не успел все это высказать своему собеседнику, так как услышал от него еще более поразительную новость. Ицгар сообщил, что римляне используют асфальт и для изготовления благовонных мазей.

Этого Давид уже не мог выдержать и, недоверчиво, спросил:

— А не мажут ли римляне также и на хлеб этот самый асфальт... вместо масла?

— Ничего подобного я не слышал, — чуть насупившись, ответил Ицгар. — Ты попросил? Я рассказал.

Некоторое время оба молчали.

Следуя за стадом, друзья подошли к зарослям колючего кустарника. Ицгар издали увидел висевшие на ветках красновато-желтые плоды. Они напоминали небольшие глиняные кувшинчики, которые Элька ваял для лечебных и ароматических мазей.

Видя, с каким интересом Ицгар рассматривает кустарник, Давид, чувствуя необходимость загладить нанесенную другу обиду, сказал, что это бедренец и тут же попросил срезать охапку зеленых веток с висящими на них "кувшинчиками". Сам же высек огонь и разжег небольшой костер.

— Теперь брось эти ветки в огонь, — предложил он Ицгару.

И, хотя ветки были полны зеленых листьев, они, подобно выстоявшемуся сушняку, мгновенно вспыхнули. Вспышка сопровождалась раскатистым треском горящих "кувшинчиков". И Давид, прислушиваясь к этому треску, в свою очередь, рассказал Ицгару, как однажды его отец Шмуэль положил в огонь кузнечного горна охапку именно таких веток с множеством "кувшинчиков" и они затрещали и разом сгорели. В горне ничего не осталось — ни пепла, ни тепла...

— Вот почему в народе говорят, что болтовня глупых людей напоминает треск бедреница под котлом, в котором варится суп.

— В этих местах, — рассказывал Давид, — мы срубили для дома Шифры несколько сикомор. Римляне часто используют это прочное дерево в строительстве. В дождь оно не намо-

кает. Не пересыхает даже в самые сильные хамсины. Дерево сикоморы, — заключил Давид, — хорошо сохраняет тепло зимой, а в летний зной — прохладу.

Так, в незамысловатых разговорах и постоянных переходах прошел день.

Домой они возвращались, когда солнце склонилось к западу. Давид неторопливо обошел стадо. Осмотрел овец. Особое внимание обратил на самок, готовившихся подарить ему новых ягнят. Все они сгруппировались вокруг вожака, возлежавшего на огромном плоском камне.

Овец не надо было гнать. Насытившись сочной травой и отдохнув, вожак стада — крупный и решительный козел, не ожидая команды пастуха, неторопливо поднялся и направился в сторону Модиина. За ним потянулось стадо.

Здесь же, у ручья Давид и Ицгар нарезали для дома по небольшой охапке ветвей душистого вереска — мирта. Они немного задержались, рассматривая группу медлительных аистов, охотившихся у ручья. Заметив людей, птицы не взлетели, лишь немного отошли и недовольно защелкали огромными желтыми клювами.

Проходя мимо хрупких кустов крушины, Давид остановился. Он обратил внимание Ицгара на множество ягод, усеявших эти кусты.

— Ты знаешь, как называются эти ягоды? — обратился он к Ицгару, забывшему недавнюю размолвку.

— Да, — уверенно ответил Ицгар, — собачьи.

— Верно, — кивнул Давид. — Если сварить эти ягоды и их соком натереть серебряный шекель, он будет блестеть как золотой. — И тут же, с улыбкой спросил:

— Хочешь, я сделаю для тебя золотой шекель?

— Хочу, — ответил Ицгар, — но... сначала сделай для меня серебряный.

Оба рассмеялись.

Глава 4

Казнь легионера

Имя Эльки — гончара из Модиина, как и его отца, светлой памяти, Эльзара бен Рехавама, с годами становилось все более и более известным. Если покупатель был заинтересован в хорошей кружке, тарелке или кувшине, он искал на донышке изделий маленькую печатку "Алеф— Алеф", используемую Элькой.

Тем не менее, на обширном дворе гончарных мастерских скопилось немало изделий с этой самой печаткой.

Тяжелая, полная лишений жизнь односельчан, не позволяла им покупать даже самую необходимую кухонную утварь. Это положение еще больше осложняла трехлетняя засуха и непрерывно увеличивавшиеся римские налоги. Римляне не делали скидок на засуху. Долги росли.

Элька не раз пытался отвезти изготовленные им горшки, амфоры, кружки, тарелки на рынки Иерусалима, Лода, Рамлы, Яффо. Но, как правило, возвращался без существенной прибыли. Все уходило на оплату охраны небольшого каравана, хотя римские власти тщательно контролировали дороги Иудеи.

Нелегко было и с местными продавцами-перекупщиками. Они бессовестно занижали закупочные цены, в то время как сами продавали элькины изделия в два-три раза дороже.

Элька нуждался в постоянном заказчике, готовом платить справедливую цену. И такой заказчик, наконец, появился. То был Маний Аквиллий Гай — офицер-интендант Пятого легиона, расквартированного в Эммаусе.

Элька исправно выполнял все его заказы и в течение года передал легиону более пятисот гидрий, целых шесть сотен объемных амфор для масла и вина, более пяти тысяч подносов, множество кружек, тарелок и иных изделий, заказанных Аквиллием Гаем.

На выполнение этих заказов Элька истратил все свои сбережения, а также деньги, которые дал ему купец Нимрод, намереваясь заполнить целый корабль изделиями Элькиной мастерской, чтобы отвезти их на рынки Кикладских островов.

И, если бы не сбережения Шмуэля, Эльке пришлось бы очень туго, как и многим его односельчанам.

Но однажды положение резко изменилось. И об этом следует поведать читателю.

На зимние квартиры в Иудею, известную своим солнцем и мягкой бесснежной зимой, прибыла с Северных провинций империи Вторая когорта Пятого Македонского легиона.

Помощник центуриона опционер Корнелий прошел с легионом немало тяжелых дорог. Полил соленым солдатским потом не одну тысячу миль.

Пятый легион не только участвовал в кровавых сражениях, но вместе с солдатами Четвертого Скифского, прокладывал стратегические дороги по новым странам, присоединенным к Римской империи.

Участвовал в завоевании Фракии. Служил в Иудее.

Временный лагерь Пятого располагался в Эммаусе, небольшом селении, находившемся в нескольких милях от Модиина, в западной части Иудейских гор.

В послужном списке Пятого легиона Корнелий многие годы числился опционером, то есть помощником центуриона, однако в центурионы так и не был произведен.

По служебной линии ему не везло, хотя и был он опытным солдатом, не раз отличался в отчаянных схватках. Тем не менее каждый раз ситуация складывалась таким образом, что

его кто-то опережал и должность центуриона, если говорить прямо, не всегда справедливо доставалась другому.

Нет, Корнелий не роптал на Фортуна. К нему хорошо относился трибун — командующий легионом, но все же на душе Корнелия было беспокойно.

Это беспокойство усилилось, когда его неожиданно вызвали в штаб легиона.

И, действительно, с этого момента его судьба резко изменилась.

Однако до этого вызова произошли важные события, надолго связавшие судьбу Корнелия с судьбой Эльки и других героев нашего повествования.

В расположение Пятого легиона из Рима прибыл специальный посланник генерального штаба — *легат* Публий, он же Главный военный архитектор Армии.

Публий привез Приказ императора о преобразовании временного лагеря Пятого легиона в Эммаусе в постоянный.

Однако легату пришлось заняться и другими делами, непосредственно не связанными со строительством постоянного лагеря.

Как выяснилось, в кассе легиона не доставало крупной суммы денег и главный интендант легиона, отвечавший за состояние финансов, предстал перед императорским посланником.

На вопрос легата, что произошло с деньгами, последовал уверенный ответ интенданта:

— Деньги были направлены в Модиин как оплата за продовольствие, которым жители округа снабжали легион в течение года, а также за множество керамической посуды в которой перевозилось и хранилось это продовольствие, а так же за другие услуги, понадобившиеся легиону. Однако, — без тени смущения продолжал интендант, — где-то по дороге деньги исчезли.

— Высохли, как вода в знойном иудейском климате? — с иронией спросил легат.

— Нет! — последовал твердый ответ. — Подозреваю, что деньги были захвачены грабителями.

Затем интендант доверительно объяснил:

— На дорогах Иудеи всегда беспокойно.

— Когда и где были **захвачены** деньги? — задал вопрос гость из Рима. При этом он сделал ударение на слове "захвачены".

Главный интендант, приняв вопрос легата как подтверждение того, что высокий гость поверил в захват денег грабителями, либо сделал вид, что поверил, торопливо продолжил:

— Ваша светлость! Клянусь честью офицера, что деньги были захвачены грабителями!

— Не спеши с ответом, легионер! — предостерегающе сказал легат.

И в мыслях интенданта мелькнула тяжелая для него мысль: "Придется отдать этому римскому вельможе часть денег, которые осели в моём кармане. Сколько ему дать? И возьмёт ли?" — вдруг усомнился интендант, но сразу же успокоил себя: " Все они — и вельможи, и сенаторы — разъезжают по провинциям только для того, чтобы содрать где только можно, и как можно больше... "

Его возвратил к действительности монотонный голос легата:

— Если грабители захватили деньги у **твоего** казначея, то это были все еще **твои** деньги. Однако есть и другое предположение, — продолжал легат. — Деньги были отняты силой во время их перевозки казначеем легиона для передачи жителям Модиина.

— Конечно же! — обрадовался главный интендант. — Была и такая возможность! — и вновь с огорчением подумал, что придется не менее трети отдать этому молодому римскому грабителю.

Легат укоризненно покачал головой.

— Ведь тогда вина падает на того, кто призван блюсти порядок и закон в провинциях, находящихся под эгидой Его Божественного Величества Императора, да бесконечно продлятся дни его!

Значит это опять же твоя вина, легионер Маний Аквиллий Гай!

При этих словах легата, крупные капли пота выступили на одутловатом лице главного интенданта легиона.

— И, наконец, третий вариант, — методичным, бесстрастным голосом произнес легат, как того требовало Римское право. — Если ты или твои люди успели передать деньги представителям округа Модиин, то тогда это уже *их* деньги? Итак, на какой стадии пропали деньги?

" Вот он — нужный ответ! — обрадовался интендант. И в его воспаленном мозгу мелькнула тяжелая для него мысль: — Пожалуй, отдам ему половину!"

— И он быстро ответил:

— Мои люди не только успели передать деньги, но и осушили по кружке вина в знак завершения сделки! И только потом возвратились в расположение легиона.

Легат насутился и мрачно произнес:

— И вновь ты поторопился, легионер Гай. Если твои люди передали деньги представителям округа Модиин, предъяви расписку, которая должна была храниться в сундуках архива легиона, но... там её не обнаружили.

Гай быстрым движением смахнул расплывшийся по лицу пот.

— Нет, я ошибся! Прости легат! — взмолился интендант, прости!!!

Деньги пропали... — И он неожиданно понял, что загнан в тупик.

Он пал на колени и начал двигаться к восседавшему на кресле легату.

— Помилуй! Господин мой! Помилуй и пощади! Я... виноват!

— Встать! — неожиданно резко скомандовал легат. — Римский воин на коленях!! Это страшнее воровства! Вечный позор тебе, Гай!

Он подошел к замершему на коленях интенданту и сорвал с него имперские знаки отличия.

— Ты предстанешь перед трибуналом.

Интенданта Пятого легиона Мания Аквиллия Гая казнили перед строем когорты спустя две недели. Все его имущество и денежные накопления, приуроченные к отставке, были переданы в казну легиона.

В приговоре трибунала было особо отмечено, что денежные накопления легионера Гая во много десятков раз превышали накопления других чиновников легиона того же ранга. И эти накопления были сделаны в имперских денариях, а не в обычных легионных монетах.

А спустя три дня, после казни Гая в штаб легиона был вызван опционер Корнелий. Он был назначен главным интендантом Пятого легиона.

Для Корнелия это было, наконец, бесспорное повышение в должности. Но опять-таки, какое отношение имел он, Корнелий, боевой командир, к обязанностям Главного интенданта?

Весь его многолетний опыт заключался в командовании центурией, при отсутствии центуриона. Он умело поддерживал дисциплину, следил за исправным состоянием одежды и обуви у солдат центурии. Контролировал наличие и исправность оружия. Шел в первой линии во время боя.

Ему даже несколько раз доверялась охрана символа легиона — могучего быка с грозно выставленными вперед рогами.

" Все это было!" — не без удовлетворения вспоминал Корнелий. Он хорошо исполнял свои обязанности, но справится ли он с новой должностью?

" Не дадут человеку спокойно выйти в отставку, — ворчал про себя Корнелий, — и служить-то осталось всего полтора года."

Но приказ есть приказ, и когда Корнелий явился в штаб за инструкциями, соответствующими его новой должности, он с облегчением узнал, что в помощь ему выделены два писаря.

В обязанности одного из них входила регистрация денежных операций легиона, хранение документации, а также денежных сбережений солдат. Документация и деньги находились в хорошо охраняемых сундуках за что писарь, отвечавший за сохранность сундуков, получил кличку "сундучник".

Второй исполнял должность секретаря, что явно льстило Корнелию.

Однако у него у него не оказалось времени, чтобы разобраться в деталях. Его сразу же вызвали к архитектору легиона. Здесь собрались все главные офицеры.

Из дальнейших разговоров Корнелий понял, что легат прибыл из Рима, вовсе не для того, чтобы разобраться в пропаже денег и наказать виновных.

Уж кто-кто, а Корнелий, побывавший во многих местах империи, знал, что таких преступлений в провинциях было много и для борьбы с ними, не хватило бы всех легатов и сенаторов империи вместе взятых.

"Да и сам Рим, — с горечью думал Корнелий, — в последние годы не служил примером высокой честности"...

Легат прибыл совсем по другой причине. Он привез с собой приказ императора о превращении временного лагеря Пятого легиона в постоянный.

"Значит, Рим навсегда закрепляется в Иудее", — подумал Корнелий, но когда он услышал из уст легата, что постоянный лагерь должен быть расширен не менее чем в пять раз, он понял, что дело еще серьезнее — предстоит новая военная кампания. Но, против кого? Видимо против Парфии."

Для планирования и наблюдения за всеми этими работами с легатом прибыл геометр-землемер.

Спустя три дня Корнелия вновь вызвали к легату, и тот передал ему перечень всех необходимых для строительства материалов. Среди этих материалов выделялось огромное количество обожженных кирпичей, плиток, а так же отесанных стволов сикомора и кедрового дерева.

Об этом приказе вскоре узнал весь легион.

Из уст в уста понеслась веселая шутка, что Главный архитектор армии, присланный из Рима, решил превратить Иудейскую провинцию во Второй Рим....

Тем не менее, выполнение приказа было для них законом, к тому же, архитектор принадлежал к императорской фамилии, а значит, здесь никакие шутки не уместны. Можно легко потерять голову.

Для самого Корнелия это вовсе не было шуткой. Именно ему предстояло в немыслимо короткие сроки обеспечить строительство лагеря огромным количеством материалов.

Время доставки кедровых стволов в Эммаус было точно известным — оно равнялось времени пути кораблей из Ливанской провинции до Аскалона, и еще несколько дней — до Эммауса. Однако этот срок не удовлетворял легата. Он кивнул в сторону густых лесов, покрывавших многие районы Иудеи и тут же велел второй манипуле, строившей дороги, заняться изготовлением отесанных стволов из сикомор и кедров и срочной доставкой этих стволов в Эммаус.

Невыполнимой казалась задача изготовления огромного количества обожженных плиток и кирпичей.

Будучи человеком непосредственным и прямым, Корнелий решил поделиться своими сомнениями именно с архитектором, который дал ему это задание. И был приятно удивлен, когда обнаружил в архитекторе не сухого, цедящего сквозь зубы слова, римского вельможу, каких немало встречал за годы службы, а сравнительно молодого человека, выразившего явно сочувствие Корнелию.

И Корнелий вспомнил его страдальческое лицо, когда тот присутствовал при казни бывшего Главного интенданта легиона Гая.

Молодой человек рассуждал вслух.

— Есть несколько путей получения необходимого количества кирпичей и плиток, — неторопливо сказал Публий. — Мой опыт строительства постоянных лагерей: Шестого Железного в Киликии, Десятого Фретумского в Кире и, наконец, Первого Итальянского в Херсонесе Таврическом, показал, что наиболее эффективными из этих путей являются: — первый — построить временные печи, завезти необходимые материалы и организовать обжиг на территории самого лагеря. Однако, — архитектор задумался. — В окрестностях Эммауса нет подходящих участков земли. Но, если, все же мы выберем именно этот путь, то понадобится строительство хороших подъездных дорог.

— В горных условиях Эммауса, — архитектор продолжал размышлять вслух, — подобное строительство займет много времени, обойдется дорого. К тому же, — он вновь сделал длительную паузу. — Хорошие подъездные дороги останутся хорошими и для противника, если тот попытается атаковать лагерь.

— Итак... — Публий надолго замолчал, отчего у Корнелия пробежала дрожь по спине. Неужели он, Корнелий, получил приказ, который не сможет выполнить?! А значит, именно он, Корнелий, а не кто-либо другой, окажется виновным в невыполнении приказа самого Императора!

И перед его взором во всех подробностях невольно промелькнула кровавая картина недавней казни его предшественника.

" А что если?"...

Он неуверенно обратился к Публию:

— Я — македонец. В армии Великой Римской Империи более двадцати лет, однако, не забыл, как в детстве работал в мастерских македонских керамистов. Нельзя ли здесь, в Иудее, использовать местных гончаров? — более уверенно завершил свое предложение Корнелий.

— Именно этот путь я и имел в виду, — подтвердил архитектор, и с некоторым удивлением и явным одобрением посмотрел на Корнелия — За дело, македонец! В любую минуту готов прийти к тебе на помощь. Рассчитывай на это.

Корнелий почувствовал, что и сам Главный архитектор армии не совсем уверен в возможности выполнения привезенного им приказа. И надеется на него, Корнелия, не меньше чем Корнелий на архитектора.

Глава 5

Бат-Шева

У входа в новый дом Шифры, висел кусок железа. Много лет тому назад это железо было подвешено кузнецом Шмуэлем у ворот его друга, покойного горшечника Эльзара бен Рехавама и его младшей сестры — Шифры.

За долгие годы железо превратилось в ржавый ком, осыпающийся мелкими рыжими крошками, однако при ударе молотка он всё еще издавал громкий хриплый перелив, предупреждая хозяев о приходе гостей.

Новый дом находился рядом со старым. Между дворами возвышался пологий каменистый холм. Однако этот холм скорее объединял, нежели разделял дворы Бен-Цура и Шмуэля.

С высот Титуры оба двора казались двумя частями переметной суммы, переброшенной по обе стороны большого верблюжьего горба.

При переезде в новый дом Шифра не захотела расставаться со старым куском железа и попросила Бен-Цура перенести звучащее напоминание о её юности, далёком и волнительном времени.

Рабочий день Шифры, как и у множества односельчан, начинался задолго до восхода солнца. Как только забрезжит рассвет, она поднималась кормить кур. Однако птицы просыпались еще раньше. Чуть за полночь, могучий рыжий петух вытягивал голову, увенчанную высоким красным гребнем, и издавал такое громкое "Ку-ку-ре-е-ку-у-у!!!!...", что не просыпались, разве что, только усопшие.

И этот крик, подобно эху, многократно повторялся десятками птиц, содержащихся в курятниках односельчан.

Куриное мясо по-прежнему было прибыльным делом для многих жителей Модиина. Оно пользовалось большим спросом на рынках Иерусалима.

Значительную часть кур и яиц закупали римские власти.

Несмотря на крики птиц, Шифра услышала приближавшийся топот лошадей. Вскоре последовало несколько энергичных ударов по железу.

Так не звонил никто из односельчан, насторожилась Шифра. — Это не мог быть и Бен-Цур — он ушел в синагогу даже раньше, чем поднялась Шифра. Возвращался же он лишь с восходом солнца.

Элька спал крепким сном уставшего человека. Вчера до полуночи он загружал печи крупными гидриями, чтобы с утра начать обжиг этих, столь востребованных римлянами, изделий

Шифра с тревогой смотрела в сторону ворот. Она не видела лиц прибывших. Всадники спешили у входа. Над оградой виднелись лишь гребни начищенных шлемов, да слышно было похрапывание лошадей.

Шифра оглянулась: не проснулся ли Элька? Но вместо Эльки она увидела Бат-Шеву. Та стояла в проеме небольшой пристройки, сооруженной Элькой специально для неё.

Бат-Шева поселилась в доме Шифры около года тому назад. Шифра с трудом уговорила её перебраться к ним. До этого Бат-Шева со своей сестрой — близнецом Леей жила на дальней окраине Модиина в заброшенном полуподземном жилище. Затем сестра где-то нашла работу и оставила дом.

Долгое время Бат-Шева жила одна, пока не приютила Иосифа Прекрасного, этого не совсем нормального человека.

Его настоящее имя действительно было Иосиф. Прекрасным же его назвали значительно позднее, когда хорошо узнали этого человека, неизвестно откуда прибывшего к селению.

Он был безобиден. Если его просили, с охотой делал самую тяжелую работу, искренне радуясь, когда ему давали кусок лепешки или чашку чечевичного супа.

Не раз Шифра видела Иосифа в поле. Она удивлялась, с каким интересом он наблюдал за сбором лечебных трав, запасаемых ею впрок, но никогда не приближался к ней ближе, чем на десять — пятнадцать шагов. Не разговаривал, был печален, замкнут.

"Ему, наверное, лет двадцать-двадцать пять, — прикидывала Шифра, — но выглядит он значительно старше. Неугожен."

Косматая светло-коричневая борода Иосифа свисала грязными комьями, как шерсть у немых овец. Дети селения дергали за эту бороду и кричали ему вслед: "Дед-дед, приходи на обед!" И показывали комбинацию из трех пальцев.

Когда же взгляд Шифры ненароком встречался с его взглядом, Иосиф тут же прятался за кустами.

Однажды на крутом склоне холма Шифре попался крупный корень фенхеля, и она, как ни старалась, не могла извлечь его из твердой каменистой почвы. И тогда к ней подошел Иосиф. Он легко, как будто это была рыхлая земля, вытащил корень растения, и, отряхнув от посыпавшихся камней, протянул Шифре.

— Спасибо тебе, Иосиф, — как можно ласковее сказала она, и впервые увидела улыбку на его лице. Такая улыбка могла принадлежать только ангелу, и Шифра решила, что правы люди Модиина давшие ему кличку **Прекрасный**.

"Нет, он не был слабоумный и не тихо помешанный, — решила Шифра, — просто его голова работала не так, как у всех остальных".

Эта необычность Иосифа привлекала и одновременно отталкивала.

Взрослые его побаивались или презирали. Для детей селения он был главной забавой, они дергали его за потрепанную грязную рубаху, свисавшую до самых пят. Бросали в него камни. Без устали дразнили и строили рожи, а те, кто был смелее, приближались к нему, дергали за бороду и даже били палками...

В ответ получали беспомощную, застенчивую и беззлобную улыбку. Это и была улыбка Иосифа Прекрасного.

Но однажды все изменилось. В одну из подобных беспощадных игр вмешалась Бат-Шева. Она шла с базара домой и, увидев происходящее, поставила на землю тяжелые корзины, подняла первую попавшуюся палку и бросилась на разыгравшихся детей. Те, как испуганные воробьи, разлетелись в разные стороны.

Бат-Шеву побаивались и без палки.

Ей было лет двадцать пять, рослая, с большой копной темных вьющихся волос, в хламиде из грубой серой ткани, она казалась им злой и опасной старухой. Всегда сердитая, мрачная, к тому же жила в темной пещере на окраине Модиина.

Даже самые храбрые мальчишки опасались посещать эти подземные дома, в которых жили их односельчане.

Разбежавшись и попрятавшись, дети издали ожидали, пока Бат-Шева взвалит на плечи тяжелые корзины и продолжит путь в свое ведьмино логово. И тогда они с новой силой смогут продолжать веселую и беспощадную игру. Все равно Иосифу некуда деваться. Он ведь не имел своего дома и ночевал там, где заставляла его ночь — чаще всего в покинутых подземных жилищах. А иногда и просто на улице, где-нибудь под деревом или у забора.

Однако на этот раз произошло нечто необычное. Иосиф робко подошел к Бат-Шеве и взял в свои руки обе тяжелые корзины.

Дети мигом затихли. Иосиф поднял этот груз, как если бы это был легкий полевой одуванчик.

— Вот это с-с-и-л-и-щ-а! — с восторгом прошептала восьмилетняя Рут. И первая освободила свои карманы от камешков, собранных ею, чтобы бросать в Иосифа. То же самое сделали другие дети. Они стояли ошеломленные.

Лишь самые смелые мальчишки последовали за Бат-Шевой и Иосифом, но, встретив грозный взгляд женщины, в нерешительности остановились.

С тех пор в селении знали, что Иосиф находится под защитой Бат-Шевы. Как знали и то, что она, одинокая женщина, вдова, приютив тихо помешанного, сделала богоугодное дело.

Хотя были и такие, что находили для этой женщины множество недобрых слов.

— Смотрите, — подзуживали они других, — нашла себе утеху на старости лет, и главное кого? Несчастливого бездомного сумасшедшего. Правда, он красив, даже очень, и сил ему не занимать, однако... — и они многозначительно ухмылялись.

К тому же эта самая Бат-Шева периодически куда-то исчезала из селения на целых два, а то и три заката солнца...

Недалеко от жилища Бат-Шевы в подобных же заброшенных домах-пещерах жили одинокие люди, в основном женщины, чье целомудрие было не самой сильной их стороной. К ним нередко навевались римские солдаты, а иногда и наемные рабочие из керамических мастерских Эльки. Однако никто из них не знал, куда исчезала Бат-Шева.

... Когда Шифра увидела, что Иосиф, протягивая ей извлеченный из каменистой почвы корень фенхеля, пытается что-то объяснить, она внимательно прислушалась и поняла, что Иосиф просит помочь заболевшей Бат-Шеве.

Не говоря ни слова, Шифра сложила в мешок всё, что удалось собрать, велела Иосифу вести её к дому Бат-Шевы. Тогда-то Шифра с ней и познакомилась.

Несмотря на яркое солнце, в помещении, где жила Бат-Шева было темно и сыро. На каменном очаге стоял закопченный глиняный сосуд. В глубокой нише Шифра увидела плоские глиняные тарелки, кувшины, амфоры, несколько кружек с отломанными ручками, пучки подсушенных трав.

Бат-Шева лежала недалеко от входа, на трех сложенных вместе циновках. Под её головой, Шифра заметила небольшую подушку, расшитую яркими пурпурными нитями. И этот пурпур не тускнел в темноте подземного жилища, наоборот, подобно вечной надежде человека, он странно сиял в лучах прорывающегося снаружи света.

Увидев Шифру, Бат-Шева попыталась встать, но та остановила её.

— Лежи спокойно, — тихо сказала Шифра. — Можно я тебя осмотрю?

— Можно... — смутилась Бат-Шева. — Как ты меня нашла?

Но, увидев тень, стоящего на улице Иосифа, укоризненно покачала головой.

— Совсем не ожидала... Это он сам придумал.

Когда глаза Шифры немного привыкли к темноте помещения, она обнаружила на плече Бат-Шевы расплывшееся красное пятно. В центре вздувшегося плеча находилась еле заметная черная точка. Вокруг точки образовалась обширная горячая опухоль.

— Тебя ужалила пчела или змея? — быстро спросила Шифра. — Их сейчас очень много.

— Пчела, — виновато ответила Бат-Шева. — Я всегда брала сладость в их гнездах, они кусаются, но такого еще не было...

— Среди пчел встречаются очень опасные! У тебя есть луковица? Если её разрезать пополам и приложить к месту укуса, она может помочь, — торопливо произнесла Шифра.

— Есть, — преодолевая боль и сильное головокружение, ответила Бат-Шева, — луковый венчик висит у входа.

Шифра, ранее не заметившая многое, обнаружила, что в доме Бат-Шевы все стены увешаны гирляндами лука, горного чеснока, были здесь и пучки кориандра, корни фенхеля.

— Это он натаскал, — Бат-Шева смущенно кивнула в сторону Иосифа, — Он сказал, что ты так делаешь, а потом лечишь больных.

Шифра с удивлением посмотрела в сторону Иосифа, но тут же отвлеклась.

— Потерпи. Будет больно. Я должна вытащить оставленное пчелой жало. Иначе будет совсем плохо.

Шифра поджала опухший участок плеча и зубами извлекла жало.

На плече Бат-Шевы выступила алая капля крови.

Во время столь болезненной процедуры, Бат-Шева не издала ни единого звука. Лишь густой бисер пота покрывал её лоб, а большие серые глаза скрылись за узкими щёлками век.

Шифра оглянулась и увидела, что за её спиной стоит Иосиф и протягивает ей половину луковицы, которую он, за неимением ножа, попросту перекусил.

— Нет, пожалуй, теперь, когда выступила кровь, лук может сильно ожечь, — объяснила она Иосифу, и начала копать в своем мешке, наполненном собранными травами.

Шифра извлекла из него стебель дикорастущей петрушки, несколько листьев мяты. Очистила их. Велела Иосифу принести воды и все это промыла. Затем тщательно растерла пальцами, и часть этой смеси приложила к ранке.

Некоторое время ожидала, пока не увидела на лице Бат-Шевы улыбку облегчения. Острая боль постепенно затихала. Бат-Шева попыталась встать, но Шифра остановила её. Приложила к ранке оставшуюся часть смеси и велела лежать, пока не исчезнет головокружение.

Сама же, подхватив свой мешок, вышла. Вдогонку услышала: "Спасибо тебе, Шифра, мы еще увидимся..."

И, действительно, в пятый день недели Шифра встретила с Бат-Шевой на модиинском рынке. Шифра принесла для продажи собранные за неделю куриные яйца, а Бат-Шева — несколько плотно уложенных охапок лесного хвороста и подушки, расшитые яркими пурпурными нитями.

Домой к Шифре они шли вместе. Шифра закупила весь хворост, собранный Бат-Шевой. Элька пользовался подобным топливом при розжиге огня в гончарной печи.

Бат-Шева была очень довольна. У неё сегодня был удачный день. Она продала весь собранный за неделю хворост и купила за сносную цену десяток свежих яиц.

Но, главное, она договорилась с Шифрой, что отныне весь собранный хворост будет закупать Элька.

Так продолжалось несколько месяцев, пока не случилось событие, потрясшее Модиин. Иосиф Прекрасный исчез. Пошел вместе с Бат-Шевой за хворостом в горы и неизвестно как пропал.

Поиски, длившиеся три заката солнца, оказались безрезультатными. Еле уловимая грусть опустилась на узкие улочки Модиина. Притихло привычное детское многоголосие.

Шифра застала Бат-Шеву убитую горем. Она потеряла человека, к которому привыкла, к странному человеку, тем не менее, заменившему ей семью, близких, родных. Он стал её рабом, сыном, смыслом жизни.

Шифра навсегда запомнила слова, сказанные Бат-Шевой в минуты горя.

— Как мало мы ценим то, что имеем, к чему привыкаем, что дарит нам Всевышний, — с глубокой душевной болью говорила Бат-Шева. — Мы приходим в себя лишь тогда, когда теряем всё это и остаемся наедине с собой. И... ничего исправить уже невозможно...

В эти минуты Шифра поняла, что горе Бат-Шевы было горем матери, потерявшей единственного ребенка. И доброе сердце Шифры отозвалось на это горе.

Она пробыла с Бат-Шевой в её подземном жилище семь долгих закатов солнца. Затем с трудом уговорила её перейти жить к ней.

Бат-Шева согласилась лишь после того, как Шифра предложила ей работать в гончарной мастерской Эльки, собирая столь необходимый ему хворост. Однако плата за труд, которую Шифра предложила Бат-Шеве, вызвала неожиданно сопротивление.

— Я знаю, как вы все тяжело работаете, — сказала она, — и не могу принять такую высокую плату за мой труд. Я никогда не была обузой, даже покойному мужу, — продолжала она упрямо, — мне хватит и половины того, что ты, Шифра, предлагаешь мне взять.

— Единственная просьба, — смущенно закончила Бат-Шева, — разреши мне построить шалаш недалеко от твоего дома, чтобы не тратить время на дорогу.

Шифра согласилась, только вместо шалаша Элька пристроил к дому небольшую комнату.

Из этого жилища она и вышла, услышав энергичные удары молотка по ржавому куску железа.

— Разбуди Эльку! — сказала ей взволнованная Шифра, но к своему удивлению увидела, что Бат-Шева, вместо того, чтобы выполнить её просьбу, пошла к воротам и смело открыла их. Затем отступила на несколько шагов и ошеломленной Шифре показалось, что Бат-Шева обменялась коротким взглядом с одним из пятерых римлян, вошедших во двор.

Этот римлянин выделялся массивной фигурой, был наголо выбрит. На широком поясе, как и у остальных, подвешен короткий меч. Продолговатое смуглое лицо гостя было приветливым, простодушным, выражало любопытство и озабоченность.

Он сразу вызвал у Шифры доверие. Его военный хитон украшали новенькие знаки отличия, такие, как были у другого римлянина, который не раз посещал их дом и увозил заказанные им гидрии, амфоры и кувшины для хранения зерна, масла, вина, однако до сих пор не заплатил ни сикля, ни одного динария, хотя уже прошел целый год.

Вновь прибывший римлянин подошел к Шифре и с подчеркнутым уважением назвал свое имя — Корнелий.

— Шифра, — коротко ответила она.

— Знаю... — и он неожиданно улыбнулся крайне удивленной Шифре. Затем повернулся к стоявшему рядом с ним молодому человеку, в одеждах богатого римского чиновника, с подчеркнутым уважением произнес:

— Архитектор Публий. Сделал паузу, продолжил:

— Нам нужен мастер Эльзар.

Шифра вздрогнула, услышав имя, принадлежавшее, светлой памяти, её родному брату. Этим именем Эльку никто не называл с раннего детства.

Она кивнула и повернулась в сторону Бат-Шевы, но та уже стучала по косяку двери, пытаясь разбудить Эльку.

В это время в распахнутые ворота вошел Бен-Цур. Он, неспеша обошел лошадей и державших их коневодов, вопросительно посмотрел на стоящих около Шифры военных.

— Мой муж Бен-Цур, — с явным облегчением сказала Шифра.

Первым протянул руку архитектор.

— Публий, — и на его худощавом бледном лице заиграла многозначительная улыбка.

— Знаю, — в свою очередь сказал Бен-Цур, — ты тот, кто построил немало постоянных лагерей для римских легионов.

— А ты, — быстро ответил Публий, — тот командующий, чей опыт разгрома армии Митридата, в пять раз более мощной, чем твоя, изучается в Имперской военной академии Рима... Впрочем, к этому мы еще вернемся.

Наконец, появился Элька. Бат-Шева с трудом его растормошила. Он работал всю ночь, и заснул только перед рассветом.

Гости сверкали военными доспехами, возвратившийся из синагоги Бен-Цур был в белых одеждах, Бат-Шева — в нарядной тунике. Элька в серой ночной хламиде, весь взлохмаченный, казался в этом обществе человеком совершенно неуместным.

Однако именно к нему устремились взгляды прибывших легионеров.

— Римские воины приветствуют мастера Эльзара! — с веселой улыбкой сказал Публий, и легионеры, тоже улыбаясь, загремели мечами по продолговатым медным щитам.

Бен-Цур широким жестом пригласил гостей в дом. Однако трое из пятерых, привязав лошадей, присели под тенистыми ветвями смоковницы.

В дом зашли лишь Бен-Цур, Элька, Публий и Корнелий. Они удобно расположились на разостланных циновках, с плотными подушками, расшитыми яркими пурпурными нитями.

Шифра и помогавшая ей Бат-Шева, расставили амфоры с водой и виноградным вином, тарелки с вялеными финиками и плодами смоковницы. Подали козий сыр, подсоленные оливки. Сами женщины примостились чуть в стороне.

— Корнелий, твоя трибуна, говори! — сухо сказал Публий, и Корнелий, обращаясь к Эльке, с непонятым облегчением произнес:

— Пятый легион перед тобой в долгу, мастер Эльзар. Какая сумма тебе причитается за выполнение заказов легиона?

Элька, не выражая никакого удивления, поднялся, подошел к нише, оборудованной полками, снял несколько глиняных табличек, протянул Корнелию:

— Здесь записана согласованная сумма за выполненную работу. Дни и количество изделий, которые были переданы представителям легиона. Корнелий начал было рассматривать глиняные таблички, однако вмешался Публий

— Мастер Эльзар! — сказал он уважительно. — У нас нет времени вести подсчеты и проверки. В легионе тебя хорошо знают, как честного иудея. Какова итоговая сумма нашего долга?

Элька взял одну из табличек, посмотрел, назвал сумму в сиклях, затем в римских динариях.

Корнелий взглянул на архитектора. Сумма оказалась довольно значительной.

Публий коротко приказал:

— Уплатить! Недостающие деньги добавит мой секретарь.

Вскоре Корнелий передал Эльке увесистую кожаную сумку и сказал:

— Расписку на полученную сумму, если можешь, напиши на папирусе, а не на глине. Так удобнее хранить, — и с обезоруживающей непосредственностью объяснил, — легче таскать легионные сундуки.

— Теперь, мастер Эльзар, чтобы закончить эту часть нашей встречи, — сказал Публий, чуть помрачнев, — легион приносит свои извинения за случившуюся задержку оплаты. Виновный понес заслуженное наказание... Однако же, к делу!

Элька внимательно выслушал предложение гостей. На его лице, опалённом печным жаром, отражалась напряженная работа мысли. Затем, собрав в кулак короткую густую бороду — жест, ставший с недавних пор привычным, — переспросил:

— Не ошибся ли я, услышав от уважаемого архитектора Публия заказ на миллион единиц: кирпичей, плиток и различной посуды?

— Нет, — подтвердил архитектор, — миллион кирпичей — это именно то, что нам понадобится. — Он сделал паузу и жестко добавил: — Причем в кратчайший срок!

Однако, заметив растерянность на лице Эльки, более мягко продолжил:

— Наш опыт показывает, что это вполне осуществимо, если в дополнение к имеющимся обжиговым печам, построить новые.

Публий кивнул Корнелию, и тот, вытащив из жесткого кожаного футляра, несколько листов папируса, развернул их перед сидящими мужчинами.

Сдержанная улыбка озарило лицо Бен-Цура. Он не видел подобных чертежей с того самого времени, когда они с Эльзаром, молодым рекрутом из Иудеи, будущим отцом Эльки, строили гончарные печи в крепости далёкого Дура-Европоса.

Приняв эту улыбку, как снисходительную критику его чертежей, Публий подтянулся, встал и вновь сухо спросил:

— Командующий отвергает моё предложение?

— Напротив, — спокойно, не гася улыбки, ответил Бен-Цур, — твои чертежи не просто точны, они предельно детализированы. Жаль, что у меня не было подобных чертежей, когда мы строили с отцом мастера Эльзара керамические печи в крепости...

— Дура-Европоса? — перехватил разговор Публий

— Да, — кивнул Бен-Цур.

Вошла Шифра. Она успела переодеться. Голубая туника, была подвязана узким поясом. Такого же цвета широкая лента прижимала поседевшие, но все еще густые, заплетенные в косу, волосы.

Бен-Цур смотрел на неё и чувствовал, как его сердце захлестывает волна горячей любви к этой женщине.

"Нет, её красота, не померкла, — с радостью думал он, — она лишь притаилась в лабиринте нелегко прожитых лет".

Рядом с ней стояла Бат-Шева. Элька не поверил своим глазам. В светлой хламиде, подтянутая широким поясом, она казалась стройной и совсем молодой. Большие серые глаза излучали загадочное сияние. Её трудно было узнать.

Не только Элька не мог оторвать от неё удивленного взгляда. С непонятным интересом смотрел на неё и римский офицер с новенькими знаками отличия по имени Корнелий.

— Квадратные печи, изображенные на аксонометрии, — продолжал, меж тем, Публий, — весьма эффективны. Это, по сути дела, четыре печи в одной.

— Счетверённая печь, — подтвердил Бен-Цур. — Подобные печи я видел в Афинском квартале керамистов.

— Именно, — подтвердил архитектор. — Каждый из четырех углов представляет собой самостоятельную печь, с отверстием для загрузки сырца и выемки обожженных изделий. При этом сохраняется единая вытяжная труба, — и Публий провел мизинцем по чертежу, указывая на дымоходные каналы, сходящиеся у нижнего основания трубы.

— Однако, — продолжал он, — как я успел заметить еще до совета землемера, участок земли мастера Эльзара позволяет соорудить максимум один подобный агрегат. — Немного подумав, Публий добавил:

— Нам же понадобится, не менее четырех или шести. Он окинул взглядом дом Эльки и прилегающие к нему горные выступы.

Наконец с искренним сожалением закончил:

— Видимо, придется от услуг мастера Эльзара отказаться.

Корнелий, не проронивший до этого ни единого слова, неожиданно привстал, отодвинул в сторону расшитую пурпуром подушку, и, глядя на Публия, сдержанно произнес:

— Если легат позволит, вспомогательная центурия, находящаяся в моем распоряжении, сможет разровнять прилегающие выступы скал и в кратчайший срок создать нужную нам площадку для нескольких счетверенных печей!

Присутствовавшая при этом разговоре Шифра заметила, беглый взгляд Корнелия, брошенный в сторону Бат-Шевы. Та смущенно отвернулась.

— Возможно, ты прав, Корнелий, — не поворачиваясь в его сторону, ответил Публий, — но ты не учиываешь, что кроме площадки для строительства печей придется прокладывать десятки стадиев дорог в тяжелых горных условиях, а это потребует много времени, которого у нас нет.

Корнелий, не находя нужного ответа, растерянно замолк.

В эту минуту Элька неожиданно произнес.

— Квадратные печи работают по следующему принципу: загрузка сухого сырца, обжиг, гашение огня, остывание обожженного кирпича, выемка готовых изделий, не так ли?

— Именно так, — подтвердил Публий.

— Затем цикл повторяется, — спешил Элька, опасаясь, что его прервут, — при этом, не имеет значения, загружаем ли мы все четыре печи одновременно, или по очереди. Процесс обжига остается цикличным, то есть **прерывистым**. Я не ошибаюсь, уважаемый архитектор?

— В принципе нет, — заинтересованно посмотрел на него Публий.

— Конечно, для увеличения производства кирпича необходима оптимальная загрузка каждой из печей и хорошее топливо, — поддержал Эльку Бен-Цур.

— Да, — согласился Элька, — это условие обязательное, — и, явно волнуясь, добавил: — Но можно сделать весь процесс не цикличным, а **непрерывным** и только в одной печи?

Публий снисходительно улыбнулся,

— Если бы я ничего не знал о твоих достижениях, прославленный мастер Эльзар бен Эльзар, то решил бы, что разговариваю с остроумным сочинителем или... с неразумным мальчишкой.

Теперь и Бен-Цур посмотрел на Эльку с удивлением. И только Шифра и Бат-Шева понимающе переглянулись...

Работая вместе с Элькой в его гончарной мастерской, они не раз слышали о его желании перестроить обжиговую печь.

Они видели, как в свободные минуты, когда они отдыхали, Элька что-то чертил на табличках; сминал, отбрасывал и вновь водил острием палочки по сырой поверхности глиняных плиток.

Шифра вспомнила, как однажды, когда Элька особенно увлеченно излагал свои планы перестройки печей, Бат-Шева рассказала, что в то время, когда еще был жив её муж, они решили построить ограду вокруг дома.

Однако муж заболел, силы быстро покидали его, с грустью вспоминала она, вскоре он уже не мог поднять даже средней величины камень. Мелкие же камни, сложенные вместе, тут же рассыпались.

— Кроме этого, — продолжала Бат-Шева, — мелких камней нужно было во много раз больше, чем больших. И тогда мы решили построить ограду из хвороста и обмазать её со всех сторон толстым слоем глины.

— Получилась хорошая ограда, — грустно закончила она. И Шифра вдруг увидела, что Элька не только прислушивается к тому, что говорит Бат-Шева, но и смотрит на неё, так как будто она знает какие-то особые секреты, очень важные для него, Эльки, и о которых никто, кроме него, не догадывается.

Ей столько же лет, сколько Эльке, прикинула Шифра. И испугалась неожиданной догадке.

"Этого не может и не должно быть! Нельзя даже думать об этом!" — решительно приказала себе Шифра. Но видя, что Элька, слушая Бат-Шеву, продолжает что-то свое чертить на табличках, успокоилась.

"Тоже нашлась тайная сваха! — поругала себя Шифра, — Элька, наверное, ни о чем подобном и не думает!"

Однако, однажды возникшая мысль уже не оставляла её.

А почему бы Эльке не полюбить эту необычной привлекательности женщину?

Сердце Шифры подсказывало ей, что Бат-Шева уже не одинока, что она любит и даже счастлива.

"Возможно, её избранник именно Элька? Он, конечно, не красавец, — старалась быть объективной Шифра, — и ростом ничуть не выше Бат-Шевы, зато очень сильный и обладает доброй душой, как и его покойный отец Эльзар, чье имя Эста дала своему первенцу... Что за глупые мысли?!" — оборвала она себя.

И вновь вспомнила рассказ Бат-Шевы, как та с покойным мужем строила вокруг их дома ограду. И как потом, когда толстый слой глины, покрывавший хворост, подсох, случился пожар.

Бат-Шева уже не помнила причину пожара, но увлеченно рассказывала, как необычно горел хворост внутри глиняного короба.

Шифру тогда удивило, как подробно Элька расспрашивал Бат-Шеву о горении этого самого хвороста внутри короба.

Шифра видела, что Бат-Шева польщена вниманием Эльки, и старается рассказать даже такие пустяковые детали, как очередность горения хвороста внутри глиняного покрытия.

— Огонь вспыхнул не сразу по всей ограде, — рассказывала Бат-Шева, — он шел **по кольцу**. Вначале загорелось у входа во двор, куда я выбросила пепел из домашнего очага, думая, что в нем нет даже искорки. Затем огонь двигался по всему кругу ограды, как по пещере. Когда же весь хворост сгорел, глина, покрывавшая хворост, превратилась в камень.

— Интересно было смотреть, — улыбаясь, вспоминала Бат-Шева, — как из короба ограды, в местах, где торчали толстые палки, вырывались столбы пламени и дыма.

Внимательно слушая Бат-Шеву, Элька все время лихорадочно чертил на своих табличках. Пристально наблюдавшая за ними Шифра, видела, что между Элькой и Бат-Шевой существует какая-то особая связь. Именно эта связь не понравилась Шифре — слишком много внимания он уделял этой, можно сказать, случайной женщине! — Решила она с ревностью матери.

И тут же увидела, что не ошиблась. Элька придвинулся к Бат-Шеве совсем близко, плечом к плечу и начал излагать свой замысел, водя острой палочкой по глиняным табличкам.

Шифра почти физически ощущала, что им приятно сидеть друг возле друга, что они радуются неожиданной близости. Её и саму охватило непонятное волнение.

— А знаешь... — и Элька чуть приподнялся, — гончарную печь можно построить в виде кольца, как забор вокруг твоего, Бат-Шева, дома. И Шифра заметила, что плечо Эльки еще теснее прижалось к плечу Бат-Шевы.

— В этой печи, — продолжал Элька, — огонь не надо будет гасить, он все время будет двигаться по кругу, обжигая все новые и новые кирпичи, плитки, гидрии. Остывшие же изделия, можно будет отправлять на стройку.

Элька так увлекся изложением ей и Бат-Шеве своих замыслов, что они готовы были тотчас же после этого разговора разрушить старую трубообразную гончарную печь и построить новую **кольцевую**.

Однако Элька их остановил:

— Всё это не так просто. Старая печь, все же кормит нас, а для строительства новой печи нужны немалые деньги. Но все свободные деньги Шифра истратила на закупку товаров, которые Ицгар и Нимрод повезли в далекую Вавилонию. И вот уже четыре рождения луны он них нет никаких вестей...

И вдруг — Шифра как бы проснулась, она поняла: — пришло все то, о чем Элька мог только мечтать: — Деньги, большой и разнообразный заказ. Теперь главное — удержать этот заказ, и они все вместе постараются его выполнить.

Она, Шифра, позаботится об этом.

...Элька ничего не ответил на злую реплику архитектора Публия, и со свойственной ему настойчивостью, продолжал:

— Если архитектор Публий согласится, я изложу свою мысль более конкретно, — и, не дожидаясь согласия Публия, попросил Бат-Шеву принести стопку глиняных табличек.

Элька разложил перед римлянами и Бен-Цуром эти таблички, намереваясь объяснить, что имел в виду, когда говорил о возможности создания печи с непрерывным обжигом.

Однако, он не успел проронить ни единого слова. Публий, взглянул на чертежи и, подобно натянутой тетиве лука, резко выпрямился. Сделал несколько шагов по комнате, осмотрелся по сторонам. На его тускло освещенном лице застыла по-детски восторженная улыбка.

— Ну, мастер Эльзар, если твоя система сработает, это будет открытие, достойное самого Архимеда из Сиракуз!

Бен-Цур продолжал изучать чертежи, как будто не слышал слов архитектора. Затем поднялся и он.

— Мысль настолько неожиданная и интересная, что стоит предоставить возможность осуществить её, — сдержанно произнес Бен-Цур.

— Рад, что наши мнения совпали, командующий, — с удовлетворением подытожил разговор Публий. — К сожалению, у нас нет времени на опыты. Приступим сразу же к строительству.

— Через три заката солнца вспомогательная центурия будет в Модиине, — сказал Корнелий. — Строительство подъездной дороги к печам мастера Эльзара начнется уже сегодня.

— Утверждаю, — сухо сказал Публий, затем улыбнулся и добавил: — И, как говорят у вас, в Иудее: — Да поможет вам Адонай!

— Амен! — дружно откликнулись Элька, Бен-Цур, Шифра и Бат-Шева.

Молчал лишь Корнелий.

Вскоре группа совещавшихся вышла во двор. Здесь в тени гранатовых деревьев, были разостланы циновки и разложены не менее десятка подушек, расшитых пурпурными нитями.

Ривка, Ора и Юдит принесли кувшины с вином, водой и виноградным соком, за ними поспешала Эфронит, она так и не вышла ростом, однако её милое личико озаряла по-детски восторженная улыбка. В её высоко поднятых руках была стопка хлебцев. И со стороны казалось, что эти хлебцы, как и сама Эфронит, двигаются не по земле, но плывут по воздуху, наполненному душистым ароматом только что вытасненных их печи аппетитно пахнущих хлебцев.

Напряжение, сопровождавшее утренний разговор, постепенно рассеялось.

— Наши дочери, — не без гордости сказала Шифра, кивая в сторону вошедших девочек.

— Если такие красавицы с нами, — чуть рисуясь, сказал Публий, — все наши планы свершатся! — и первый поднял кубок.

Затем Публий, не оставляя бокала с вином, выразил желание осмотреть гончарную мастерскую Эльки. С улыбкой сказал:

— Я люблю керамику и видел немало красивых изделий, — говорил с явным удовольствием легат, — однако только здесь, в Иудее, я нашел некое волнующее сияние, исходящее от работ мастера Эльзара.

Многие из твоих изделий пропускают свет сквозь тонкие стенки, подобно тому, как густой туман пропускает солнечные лучи. Или как солнце в ваших краях пробивается сквозь густую желтую пыль хамсина.

Он озорно улыбнулся и спросил у Эльки:

— Приходилось ли тебе смотреть на солнце сквозь скорлупу куриного яйца?

— Н-е-е-т... — растерянно ответил Элька.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.